

ПРИНА СОЛЯНАЯ

ХИЩНИКИ ЦАРСТВА НЕ НАСЛЕДУЮТ

Победитель конкурса
«Со слов очевидцев 2023»

Лучший
мистический
детектив

Литрес

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Соляная

Хищники царства не наследуют

«Автор»

2023

Соляная И. В.

Хищники царства не наследуют / И. В. Соляная — «Автор»,
2023

Перед соблазном устоять трудно. Открывая крышку старинного сундука, простой следователь становится миллионером, но вместе с сокровищами он выпускает наружу сильнейшее проклятье. Можно ли остановить череду смертей, и кто на самом деле виноват в том, что золото приносит только зло? Способна ли любовь исцелить почерневшую от проклятья душу?

© Соляная И. В., 2023

© Автор, 2023

Ирина Соляная

Хищники царства не наследуют

Пролог

Грудастая, но тонкая в талии Васька Жуковская подъезжала на телеге к сельсовету. Ее короткая стрижка растрепалась на ветру, красная косынка сбилась на спину. «Где твои косыньки?» – заголосила бабка Глаша, когда увидела стриженный затылок Васьки, вцепилась в куцые вихры и дернула старческой, но еще сильной горстью. Было больно и обидно. Но комсомолка должна все терпеть, даже неграмотную бабку, которая ничего не понимает в женской эмансипации.

Телега остановилась, Васька спрыгнула, одернула блузку и поправила косынку. У крыльца на нее пялились двое из комитета бедноты. Васька гордо прошла мимо них и направилась сразу в кабинет Антона Митрофановича. Кабинетом он называл угол в реквизированной избе кулака. Стол был накрыт кумачом, а над ним висел плохо намалеванный тушью на картоне портрет Карла Маркса. Антон Митрофанович, пожилой однорукий мужчина, внешне очень похожий на Ильича, хоть и перебирал какие-то бумаги, но от дел оторвался.

– Надо к отцу Пантелеймону сходить. Пусть образа из церкви сымет, да из окладов вынет. Всё сдаст по описи.

– Зачем это? – удивилась Васька.

– Дура ты, девка, а еще комсомолка, – выругался Антон Митрофанович, – мы единственное село, где церковь ещё стоит, и службы идут. А ну-ка, из области приедут, что скажут? Скажут, что мракобесие разводим.

– К нам из всех сел окрестных на службу ходят, – прошептала Васька, сразу вспомнив про бабку Глашу и других старух.

– Я уже думал об этом, – махнул рукой Антон Митрофанович, – а ты вот как рассуди: с кем будем светлое будущее строить? Со стариками и старухами, с кулаками и подкулачниками?

– Всё так, – закивала Васька. Она продолжала стоять, словно забыла, что председатель любит по-простому общаться, хоть и был у Бутурлина приказчиком.

– Ты-то зачем пришла? – спросил председатель вдруг.

– Да вы ж за мной посылали.

– А, точно, совсем заработался, – председатель почесал лысину. – Вот, включил тебя в комитет бедноты. Завтра собрание. Знаешь, а ты сходи-ка вечером к отцу Пантелеймону, поговори с ним по-хорошему. Ведь если не сдаст материальные ценности – не дай бог что случится... Всем худо будет.

Васька вышла из конторы с тяжелым сердцем. На пороге ей перегородил дорогу один из комбеда: «Здорово, ты теперь наша, что ль?». Его гнилые зубы так и щерились. Наверное, он себя ощущал вершителем судеб, уже мысленно присматривал чужую избу и чужую одежду. Васька оттолкнула его и пошла, пыля, по дороге. Она слышала, как в соседней Малаховке выбрасывали детей и беременных баб прямо на улицу, а в избах кулаков расселялись такие вот, как этот. А один так даже избу спалил – занялось от окурка. Васька невесело плелась домой, а вслед ей ржали комбедовцы и выкрикивали что-то похабное.

В избе она наконец сняла старые разбитые башмаки, отпила квасу из холодного кувшина. Бабка Глаша копалась в огорожке, в самую жару. Васька растегнула ворот. Дурнота сморила её, и холодный квас не помог унять ворошение в желудке. Тошнило теперь не только с утра, но и в обед, и вечером. А еще она на телеге протряслась из Малаховки до родного Семеновска. Тут кого хочешь вывернет наизнанку!

Особенно противно пах конский навоз! Но где это видано такое, чтобы сельская комсомолка чуралась запаха лошади! «Нет, не буду бабке бедкаться, – подумалось Ваське, – на смех подымет». Без сил она легла поверх лоскутного одеяла, хотя бабка даже присесть на кровать днём не позволяла – покойного деда гордость, вся в розочках, листиках, столбики витые, матрац на пружинах. Привез эту никелированную кровать дед Васьки с Первой мировой и прославился на всю округу. Ничего не осталось от деда на память, кроме этого трофея. Голодали: лебеду ели, каштаны и желуди, от которых Васька вся пожелтела, но бабка была непреклонна: кровать не отдала перекупщикам.

Бабка содержала бедную избу Жуковских в чистоте: печь беленая, лавки скобленные. В углу большой чугунок, который называли «бабэля». Раньше в нем репу парили, наваливая доверху, а теперь давно не использовали. Семья стала маленькая – бабка да Васька, и не нужна им «бабэля».

Бессмысленно шаря глазами по комнате, Васька незаметно для себя провалилась в мутный и беспокойный сон. Она лежала, запрокинув голову назад, не в силах шевельнуться, словно на грудь ей сел кто-то тяжелый, томный. В запястьях закололо, боль перешла на кончики пальцев, но девушка не двигалась, только тоненько хрипела. Лишь когда в сенях бабка Глаша загремела ведром, Васька со стоном повернулась на бок.

– Чего это ты, голомозая, днем на кровати валяешься! – бабка с невиданным проворством подскочила к кровати и замахнулась нечистой тряпкой на внучку, но оторопела: – Не заболела ли? Чего бледная такая?

Васька вместо ответа что-то буркнула, и ее вырвало прямо на лоскутное одеяло.

К вечеру, когда спала жара и бабка закончила причитать, Васька собралась к отцу Пантелеймону. Она хотела застать его дома, а не в церкви. Не дай бог кто увидит ее, входящую в храм! Васька невесело усмехнулась, поминая бога. Она передела вонючую блузку на простую ситцевую кофту. По дороге на отшиб села, который в народе назывался «Горло», так как здесь улица сужалась и вела к пустырю и к старому, еще барскому пруду, она никого не встретила, кроме тощей поповской козы. Коза проводила ее опаловыми глазами, подергивая тощими боками, Рвота снова подкатила к Васькиному горлу, но девушка сглотнула, вздохнула и зашагала дальше.

Отец Пантелеймон уже скинул плотную рясу и подрясник, засунул жидкую бородёнку за кушак и колот дрова. Увидев непрощенную гостью, нахмурился: батюшка еще помнил, как три года назад Васька-скромница ходила с бабкой в церковь и стояла в уголке, глаза долу. А теперь, дрянная девка, разъезжает с такими же срамницами по округе, с плакатами в руках: «Долой совесть! Прощай, стыд!»

Васька поздоровалась и остановилась у плетня.

– Чего нужно? – неласково спросил отец Пантелеймон, не прерывая своего занятия.

– Пришла я по секретному делу, – вполголоса сказала Васька и кивнула зачем-то вбок головой, словно показывая, откуда у секрета дорожка.

– В избу тогда пошли, – позвал священник, воткнув топор в колоду.

Отец Пантелеймон жил один, схоронив не так давно жену. Священнику второй брак был не по чину. Двое его сыновей подались в город, отца по идейным соображениям стыдились и на глаза не казались. Отец Пантелеймон и сам злился на себя, только по другой причине. Очень уж жалел, что прошляпил самый важный момент, когда все как тараканы бежали из страны, кто куда. Из-за проклятой дуры-жены, брюхатой третьим ребенком, которого вскоре и выкинула, остался в Семёновске. Думал, что ещё придет время, да не случилось. Он жил двойной жизнью: с виду праведник, на самом деле чах над золотом, как сказочный Кашей. Прикарманив деньги старого помещика Бутурлина, он тайлся от всех и ни на секунду не забывал, что золотишко припрятано тут же, почти у народа на виду.

Вечерами он обдумывал тысячи разных вариантов, как пристроить деньжищи. Эти мысли едва не свели старика с ума. Теперь уже священник понимал, что время упустил безвозвратно, и удерживала его на свете одна злорадная мысль, что он является владельцем сокровища, никому не известного и от всех спрятанного. И если обижал кто священника неуважением или презрительно говорил о нем, как о слугителе культа, отец Пантелеймон гордо выпрямлял свою старческую спину и сверкал очами. «Захочу я – всю вашу братию с потрохами куплю и в рабство обращу», – думал он и тем утешался. Но вид его гордый и своенравный окружающие понимали иначе: «Крепок в вере отец Пантелеймон!»

Ещё помнили прихожане пожар, в котором получил священник страшные ожоги, спасая иконы и другую утварь, вытаскивая очумевших служек из горящего храма. Гордились батюшкой, как и Васька, пока та не узнала страшную тайну.

Девушка вошла в скромную избу священника и благоговейно застыла у входа. Наконец хозяин пригласил ее сесть на лавку. Она крутила головой: простые темные образа в углу, на полу тканые половички, на столе застиранная скатерть – вот и все убранство избы.

Путаясь и стесняясь своей миссии, боясь быть неправильно понятой, Васька сказала, что на завтра планируется изъятие церковных ценностей. Отец хмурился, но не перебивал.

– Кто прислал тебя? – спросил он неожиданно грозно и даже схватил девушку за плечо сильными костлявыми пальцами, скрученными артритом.

– Никто, батюшка, – испуганно сказала Васька. – Председатель просил тебя добровольно все выдать. Я вот подумала, что не выдашь же... И не хочу я, чтоб ты ... вы пострадали.

– Иди домой, – махнул рукой на нее отец Пантелеймон, – жди вечером. Понадобисься.

Напуганная Васька попятилась, едва не задев головой притолоку, выскочила из избы священника и направилась напрямик к себе домой.

Ночью стали прятать церковное добро. С отцом Пантелеймоном заявился цыган Мито. Наверное, предчувствовал поживу, и от того его глаза в темноте горели, как у кошки. Бабка Глашка помогала им не хуже дюжего мужика. Вчетвером ловко спустили тяжеленные ящики в колодец во дворе Жуковских. Сверху присыпали камнями и землей. «Погиб колодец», – причитала старуха вполголоса.

Васька не понимала, отчего именно к ним в колодец попрятали поповское добро, но боялась что-то сказать наперекор бабке Глашке и суровому отцу Пантелеймону. В темноте Мито пытался улучшить момент пощупаться. Вот дрянь цыганская! От одного запаха потного мужика Ваську воротило, и она отпихнула обиженного любовника.

Тайна клада раскрылась быстро. Уже к обеду к ним пришел оперативный сотрудник, за спиной которого ухмылялся комбедовец. Сколько Васька не отнекивалась, а её потащили силой к телеге, где уже сидел связанный по рукам и ногам отец Пантелеймон, угрюмо опустивший голову. Бабку Глашку отчего-то не взяли, видимо, пожалели ее убогую старость. Мито вовсе запропал куда-то со вчерашней ночи.

Васька проклинала судьбу, но над беременной дурочкой небеса сжалились. По дороге отец Пантелеймон выкупил Ваську у жадного оперативного сотрудника за золотой слиток, и её, обалдевшую от случайно свалившегося счастья, турнули с телеги в первом же лесу.

Без документов и поклажи Васька добрела до тётки. Хутор Крутой Берег прижимался десятью жалкими избушками к безымянному ручью, впадавшему в речку Подгорная. Тётка не обрадовалась новому рту, строго посмотрела на девушку, но переночевать впустила. Утром, поставив чашку с квасом, положив краюху хлеба и две луковицы перед чумазой племянницей, спросила: «Куда путь держишь?» Васька отвечала уклончиво, размазывала по щекам слёзы. Тётка покивала головой: «Задерживаться на хуторе не след. В понедельник сюда по делам придет председатель колхоза, придет да и застанет тебя. Что врать будем? Непорядок всё это». Васька покорно покивала головой, не понимая, куда идти дальше. Денег у тётки не водилось, но она собрала нехитрую одёжку Ваське, завязала в узелок начавший черстветь каравай, нитку

сушеных яблок, несколько крупных репок и бесцеремонно отправила племянницу прочь, нарисовав веточкой в пыли дорогу до соседнего села.

Так началось скитание Васьки от двора до двора, от села до села, от одного знакомого до другого, незнакомого. Везде ей давали кров и простую пищу, не спрашивая, откуда и куда она бежит. Люди жалели беременную дуру, но приюта на долгий срок Ваське никто не дал. Только в одной семье совсем незнакомой ей женщины, матери троих детей, глуховатой работницы прядильной фабрики, Васька задержалась почти на два месяца. Пелагея Андрущенко прониклась жалостью к этой глупой девахе, которой уже было не скрыть большой и грузный живот под старым латаным мужским пиджаком. Полгода назад Пелагея похоронила умерших от тифа мужа и старшую дочь, потому пожалела случайную знакомую и поселила у себя, не подумав ни о соседях, ни о старосте сельсовета.

Глубокой осенью, вдали от родной деревни, живя в сыром бараке с Пелагеей и ее тремя детьми, Васька думала о колодце, отце Пантелеймоне, мучилась мыслями о бабке Глаше, корила себя за то, что помогала прятать в колодец ящики с церковным добром. Страшнее же всего были предстоящие роды.

Думая о будущем ребенке, Васька непременно представляла его мальчиком, похожим на Мито. Она не любила нахального цыгана и теперь, вообще не могла понять, что могло их свести вместе. Иногда Васька вспоминала густые черные брови, завшивленный чуб, полосатую шелковую рубаху, украденную где-то на ярмарке. Чудился его смех и рассказы на ломаном русском языке о кочевьях, покражах и побоях, слышались пошлые шутки, от которых горело лицо. Хотя ночами ей снились погоны НКВД, зловонное дыхание цепных собак, которых она и не видела-то никогда, днем Васька малодушно верила, что ищут ее не рьяно, и когда-то всё закончится, потому что надоест.

Два месяца, проведенных ею в семье Пелагеи, были для Васьки самыми трудными. Во-первых, она стала привыкать к налаженному порядку вещей, после которого гораздо труднее сорваться и уйти в неизвестном направлении. Во-вторых, окружающие стали задаваться вопросами, кто она, откуда и как пришла. Пелагея и Васька врать не умели, отвечали уклончиво и непоследовательно.

Наконец, в каморку многоквартирного барака заглянул милиционер Пахомов. Он посидел на общей кухне, поболтав о том о сем с одноруким соседом-сплетником, с Пелагеей и ее десятилетним сыном. Посмотрел мельком на брюхатую Ваську и смекнул, что дело тут нечисто. Сообщил губернскому начальству о новой жилищке без документов и стал ждать ответа.

Наконец пришел день, которого Васька так боялась. Она орала диким голосом, мычала, трясла головой и заливалась слезами. Проклинала и Мито, и алчного оперативного уполномоченного, и бабку, которая не предупредила, что рожать так больно, и отца Пантелеймона, из-за которого она скиталась по свету. Воды отошли еще ночью. Бабка-повитуха, которая сначала деловито сновала по комнате, выгнав из нее детей Пелагеи в общую кухню барака, теперь о чем-то шепталась с хозяйкой. Стало понятно, что Васька сама не разродится. Однорукий сосед пару раз заглянул в комнату, но его с шиканьем прогнали прочь, потому что по бабьему разумению от него не было толку. Но в итоге он-то и привел из больницы старого врача-хирурга, который работал еще при земстве. Врач с лысиной, покрытой старческими пигментными пятнами, быстро осмотрел Ваську и сказал коротко: «Не выживет. Поперечное положение плода». Пелагея завывала, а бабка-повитуха быстро испарилась.

Надо было везти Ваську в больницу, но живший поблизости водовоз из прачечной уехал еще с утра. Пелагея решила найти двух дюжих мужиков, расплатиться бутылкой самогона, чтобы дотащить несчастную роженицу до больницы. Тут всего-то два километра! И уже вздумала Пелагея бежать на поиски тех самых мифических мужиков, которые в поле пахари, на воде бурлаки, но в дверях столкнулась с ухмыляющимся Пахомовым. Он держал бумагу на арест Васьки, а из-за его спины выглядывали две соседки, понятые.

Заполошная Андрущенко кинулась к незванным гостям с мольбой о помощи. Недоверчивый Пахомов широкими шагами двинулся в каморку, но, как и все мужчины, оказался слабым перед зрелищем, которое ему открылось. В недоумении он отпрянул назад в коридор и остановился там, не зная, как быть дальше. Его инструкции такого не предусматривали. Понятые оказались более шустрыми, и вместо того, чтобы голосить или причитать, посоветовались и сказали участковому, что дело плохо. Надо везти в больницу эту дерзкую преступницу, не то она помрет тут на месте, а ему выговор будет. Ближайший телефон и был как раз в больнице. Пахомов колебался и чесал затылок под форменной фуражкой. Тем временем бабы погрузили воющую Ваську в машину Пахомова, а тот двинулся следом, соображая, что написать в рапорте.

Морфий по инструкции отпускался только для операций. Доктор, понимая, что мать спасти не удастся, сделал кесарево сечение. Смуглый до желтизны младенец мужского пола слабо взвизгнул, когда акушерка дважды хлопнула его по сморщенной худой попе. Врач кое-как зашил брненное тело Васьки без малейшей надежды на ее выживание. Разрывы внутренних органов, большая кровопотеря не оставили шансов НКВД привлечь Василису Жуковскую к ответственности по всей строгости закона. Перед смертью она пришла себя, обвела безумными глазами больничную палату, наполненную притихшими роженицами.

– Пацан у тебя родился, жив, – успокоил ее врач.

– Напиши на бумажке, а то забудешь, – сказала Васька хрипло, – нарекаю его Николаем. Отец Мито, цыган. Фамилия наша Жуковские. Живем мы в Семеновском уезде. Да напиши «Старый колодец». Это важно. Пусть он найдет старый колодец да бабку Глашу.

«Вроде не бредит», – подумалось врачу. Он помусолил огрызок химического карандаша и сделал все пометки. Пацану пригодится потом в поисках родных. Если выживет. Врач заткнул бумажку за пеленку младенцу, чтобы в детском доме не ломали голову, как назвать сироту.

Когда за Васькой пришла смерть, лицо стало безмятежным, морщина муки на лбу разгладилась, выпрямилось тело. «Такие лики я видел на греческих иконах, – бесстрастно подумал старый хирург, глядя на бескровный восковой профиль новопреставленной. Привыкший к смерти, врач совсем уже невпопад спросил сам себя: «Вот интересно, чего она преступного натворила? Не дала какому-то комиссару?»

Ваську похоронили в безымянной могиле, сообщить о ее смерти было некому. Выросший Николай Жуковский сколько ни искал следы её захоронения на городском погосте Стеклозаводска, не нашел. Деревни Старый Колодец, которую записал доктор, сроду в Семеновском уезде не бывало. Помыкался-помыкался Коля после детского дома и профтехучилища, да и решил искать родственников по фамилии. Баба Глаша в Семеновском уезде давно померла, а хатёшка ее стояла заколоченная, никому не нужная. Коля быстро нашел её, получил разрешение на вселение, да и приехал со своим пустяковыми пожитками. Ремонтировал, достраивал, укреплял. Колодец, существовавший при бабе Глаше, совсем обмелел, заваленный мусором. Николай решил выкопать новый, в конце садка, а этот привалил каменной плитой, чтобы не дай бог никто не свалился туда. Да так и простоял старый колодец, словно под магической печатью, до 1995 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Андрей Балыков оглядел кабинет следователя и усмехнулся. Он сам когда-то, в другой, забытой им жизни, сидел в таком же: обшарпанный стол, нестораемый шкаф с перекошенной дверцей, полки с кодексами, выцветшие обои и вечный унылый кактус возле монитора компьютера. Молодая шатенка в милицейском кителе и узкой юбке проследила за взглядом подследственного и поджала губы. Затем она сняла паутинку с макушки кактуса, словно та была самым явным свидетельством разрухи, села и предложила Балыкову стул напротив.

– Меня зовут Инна Викторовна Мещерякова. Я вызвала вас для простой беседы. Надо кое-что уточнить, кое-что перепроверить, уважаемый Андрей Сергеевич.

Балыков кивнул и сел за свободный стол, а не на место, указанное ему, весело побарабанил ладонями по крышке и улыбнулся.

– Что должно произойти в нашей стране и в вашей системе, – подчеркнул Балыков, – чтобы такой как я не чувствовал себя виноватым во всех смертных грехах, Инна Викторовна?

– Вас пока никто ни в чем не обвиняет. Если вам есть что скрывать, то можете прийти в другой день, с адвокатом. Скажем, завтра, – невозмутимо продолжила Мещерякова.

– Мне, как любому бизнесмену, есть что скрывать, и к тому же время моё дорого. Так что начнем без обиняков.

Балыков пересел на стул для посетителей и провел ладонью по седому ежику на макушке.

– Вам известны обстоятельства смерти Айгуль Ильшатовны Давлетовой? В каких отношениях вы состояли с ней?

– Она была моей любовницей, – без прикрас ответил Балыков, – но мы расстались два года назад. Из «Сладкого папы» я её уволил, дал хорошие рекомендации, и она уехала в Москву. С тех пор я не интересовался её судьбой. О том, что Айгуль погибла, узнал от каких-то общих знакомых.

– Не погибла. Её убили, – с нажимом поправила Мещерякова, а Балыков пожал плечами.

– Я весьма сожалею о её смерти. Насколько я знаю, убийцу установили и даже приговор по делу вынесли.

– Мать Давлетовой считает, что вы причастны к убийству. Она написала жалобу, просит возобновить расследование дела.

– Если законы не изменились с тех давних времен, когда я работал следователем, то заниматься жалобой госпожи Давлетовой должны москвичи, а не наш отдел милиции. Разве не так?

– Так, – вздохнула Мещерякова и открыла папку, – мне просто дали поручение допросить вас как свидетеля.

Балыков прочел скупой текст поручения и кивнул. Что он мог рассказать Мещеряковой? Айгуль работала у него менеджером. Из-под её руки появились популярные лозунги: «Хотите сладкого? Папа разрешает!» «Вкусно, как в папином детстве!» и даже спорный «Папа может всё!» Айгуль заставила крутиться бизнес быстрее. Печенье, конфеты, пряники, вафли шли на ура, а голова Балыкова перестала гудеть как кипящий латунный самовар.

Изменилась не только кондитерка, но сам Андрей Сергеевич. Он уже не выглядел усталым и небритым. Он был белозубым, улыбчивым, готовым к любым неожиданностям. За спиной стоял надежный Тамерлан Табеев, правой рукой был опытный в интригах и бизнесе Ждан Горшенёв. С Андреем жила Викушка, которая снизошла с высот детских обид и согласилась переехать от бабушки к отцу. И Айгуль незаметно заняла место умершей жены.

Коротко стриженная, ростом не выше Викушки, худенькая до хрупкости, словно мелкая лесная пичуга, смуглая и смешливая Айгуль. Её привел в «Сладкого папу» Ждан Горшенёв, который и сам, похоже, не понимал, что откопал сокровище. Хищное чутье Балыкова, наоборот, подсказало ему: «За этой серенькой и заурядной внешностью кроется именно то, что ты ищешь и не находишь в других: ум и цепкость в сочетании с мягкой податливостью и умением находиться в тени». Поначалу Балыков держал Айгуль на некотором расстоянии от себя, не решаясь признать, что она интересна ему не только как менеджер по продажам. Как старый филин на ёлке, Балыков рассматривал девушку-пичугу и подмечал, как заразительно смеется она в ответ на шутки Ждана, как мило запрокидывает голову, трясет копной волос, не кокетничая, не пытаясь казаться красивее, не напрашиваясь на комплименты. Большинство женщин, окружавших успешного и богатого Балыкова и просто успешного Горшенёва, пускали в ход свои чары и откровенно соблазняли их. Но не Айгуль. «Хитрая баба», – шептал Табеев, но Балыков махал рукой. Ему нравилось, как девушка супила брови над деловыми бумагами, как нетерпеливо покачивала маленькой ножкой в плоской балетке, отвечая на рабочие звонки,

как засовывала за ушко карандаш, а потом ладошками хлопала по столу, ища пропажу. Толстая прозрачная перегородка между кабинетами не мешала Балыкову рассматривать Айгуль из-под бровей, покусывая губы. «Она», – звучало в ушах Андрея.

Балыков принял окончательное решение в аэропорту. Вся верхушка «Сладкого папы» летела в Казань на продовольственный форум. Вылет задерживали, делегация томила без дела. Табеев высился над всеми в своей извечной позе со скрещенными на груди руками, Жданов занял сразу два кресла, развалившись с модным ноутбуком на коленях. Главбух Борисова покачивалась на каблучках со стаканчиком кофе, Айгуль в узких бесцветных джинсах сидела верхом на чемоданчике. Она смеялась шуткам Ждана, показывала острые и немного кривые клыки, что делало ее улыбку обворожительно кошачьей. Узкие, миндалевидные глазки весело щурились, а то и вовсе закрывались при взрыве хохота. Заметив взгляд начальника, Давлетова попыталась напустить на себя серьезный вид, но потом накрыла лицо локотом и продолжила тихо, по-детски вздрагивать. Балыков почувствовал укол ревности. Неужели он не может расшевелить девушку, сделать её на минутку счастливее, привлечь внимание? Нет, он мог только принести кофе, что и сделал. Айгуль вежливо взяла стакан из рук своего начальника. Улыбка потухла.

– Над чем же вы так заразительно смеялись? – спросил Балыков.

– Так, мелочи, – немного виновато ответила девушка, опустив глаза в стакан.

Горшенёв победоносно смотрел на Балыкова. «Зря ты так, Жданчик, ох и зря», – подумал Балыков, но сказал:

– Ждан у нас – просто находка. Такого чувства юмора, как у него, я не встречал. Жаль, что у меня голова болит, я бы тоже поржал с вами, молодыми.

Добрая Айгуль сразу полезла в сумочку и извлекла оттуда таблетку анальгина. Балыков, поморщившись, запил ее кофе.

– Разве так делают? – укоризненно сказала Айгуль. – Таблетку кофе запивать нельзя.

– Папа может всё, – повторил её лозунг Балыков. – А в сумочке у вас стакана водки нет? Мне был помогло.

Девушка снова засмеялась, пусть и не так звонко, но все-таки....

В Казани Балыкова накрыла волна страха: «Тебе придется отдать самое дорогое!» Перед глазами стоял образ шарлатанки-прорицательницы, Шимы-Онейды. Её слова всплывали в памяти снова и снова. Сколько раз он терял и отдавал? От чего и от кого вести отсчёт? Кончится ли это когда-нибудь?

Он отгонял от себя упрямое видение, таращился на лекторов, активничал на тренингах, метался между стендами с дегустацией и ловил одобрительные взгляды Ждана.

– Завтра банкет и «А-Студио» выступает... – Айгуль мечтательно потянулась обеими руками вверх. Скрипнули еле слышно суставы, она хихикнула и попрыгала на одном месте: – Жаль, что я гимнастику бросила. Совсем суставы заостенели. На сидячей работе. Вышли в парк.

– А ты гимнастикой увлекалась? – спросил Андрей. В этой девушке ему все было интересно. Вместо ответа Айгуль вдруг сунула Ждану свою кожаную курточку, перекинулась мостиком, задержавшись, встала на руки, зависнув над землей. Затем она грациозно опустилась на шпагат, хихикнула, скрутила ноги и вскочила на носочки.

– Вон, попа теперь мокрая – похвасталась она.

– Ну, пойдем, посушим твою попу, – улыбнулся Андрей, и вся компания двинулась в ближайший бар, а Айгуль деликатно взяла начальника под локоть. На концерт «А-Студио» по понятным причинам пошёл только Ждан. С той ночи в казанской гостинице началась история Айгуль и Андрея.

Имя её охлаждало, как поток родниковой воды, а сама она была то птичкой на ветке, то ласковой кошкой на коленях. Когда она утром щебетала Балыкову о том, что пора вставать на работу, он потягивался и ворчал: «Богатым людям положено спать до обеда». Она щебетала его, хватала за нос и будила окончательно. Вечерами, свернувшись клубком у него на груди, Айгуль засыпала под бормотанье спортивного канала. И Балыков всё удивлялся, как это она умудряется быть свежей, неустойчивой, швыряться идеями, как снежками на ледяной сказочной горке, и внимательно слушать, вычленив главное. Она была умна. А красива ли? Красива. Андрей впервые почувствовал, что такое гармония: когда ничего нельзя ни прибавить, ни отнять.

Только Табеев оставался невозмутимым и недоверчивым. Он смотрел на всё происходящее узкими глазами и хмыкал. Через три месяца наблюдений он пришел к Балыкову в кабинет и сказал:

– Разговор есть.

Андрей отложил блокнот, отправил секретаря. Табеев плотно затворил дверь.

– Я не доверяю Айгуль, – с наскока сказал он.

– Почему?

– Интуиция. Татарская женщина – хитрая женщина. Всегда проверять надо. Слишком быстро залезла в койку к тебе.

– Ну, удивил, – хмыкнул Балыков, – уже и о койке моей печёшься.

– Обо всем пекусь. Тебе плохо – мне плохо. А я не люблю, когда мне плохо, – Табеев вынул из внутреннего кармана пиджака какой-то лист и протянул Андрею.

Балыков внимательно прочел: справка о досрочном погашении кредита госпожой Давлевой. Датой значился следующий день после возвращения из Казани.

– Мало ли откуда у неё деньги? – пожал плечами Балыков.

– Значит, ты денег не давал ей, – кивнул Тамерлан.

– Такую сумму – не давал, – уверенно ответил Андрей.

– Думай, – сказал Тамерлан и оставил Балыкова с нехорошим осадком в душе, словно в кофе плеснули прокисших сливок, и они хлопьями плавают на поверхности чашки.

От сердца Балыкова отлегло. Казалось, он должен был злиться и досадовать, но он испытывал непонятное другим облегчение. Андрей отпустит её и перестанет переживать. Всё станет, как прежде. Место рядом с ним должно пустовать. Айгуль не станет очередной жертвой в серии странных смертей, ведь он не успел прикипеть к ней. Тянуть с разговором смысла не было, и наутро после неприятной новости от Тамерлана Андрей решился.

Он разбудил Айгуль чересчур резко:

– У меня к тебе несколько вопросов.

За окном монотонно сыпалась ноябрьская снежная крупа. Спросонья Айгуль не понимала, в чем дело. Андрей был хмур.

– Что случилось? Отчего ты такой сердитый? – спросила она почти шёпотом, садясь в подушках.

– Это ты сейчас поймешь, – в Андрее снова проснулся капитан полиции, который умел вести допрос. – Вопрос первый. Сколько именно заплатил тебе Ждан Горшенёв за то, чтобы ты стала моей любовницей?

– Я не понимаю, – пролепетала Айгуль.

– Всё ты понимаешь, – сказал Андрей так же спокойно, как и раньше, но девушка поняла, что шутить не стоит.

– Андрей, прости меня, послушай...

Андрей прошёлся по комнате и остановился сзади. Айгуль сжалась в комочек. Ночная рубашка сползла с её плеча, обнажив «воробьиное» крылышко лопатки.

– Айгуль. Я жду от тебя простых и быстрых ответов. Не заставляй меня вызывать Табеева, и тогда тебе не будет больно.

– Мне уже больно, милый... – Айгуль заплакала.

Андрей молча кинул ей коробку бумажных платочков. Айгуль шмыгнула носом и поправила ночную рубашку.

– Он заплатил мне три тысячи долларов. Я погасила кредит...

– Были ещё платежи?

Айгуль помотала головой, и её пушистые волосы разлетелись невесомым облаком.

– Вопрос второй. Кто был инициатором этой игры в «люблю-не-могу»?

– Он, все спланировал он! – Айгуль понуро опустила голову. – Я сначала против была. Понимала, что так нельзя, неправильно так делать. Но Ждан убедил меня, сказал, что тебя надо вытащить из депрессняка, что тебе нужна встряска, что ты одинок и до сих пор страдаешь по погибшей жене.

– Всё, Айгуль, вопросов к тебе больше нет.

Балыков встал и вышел из комнаты. Он налил себе чаю, положил в него мёд, как любил раньше. С удовольствием облизал чайную ложку, игнорируя принципы здорового питания, о которых ему твердила Айгуль, и вернулся в спальню. Айгуль все еще сидела на кровати, полуодетая, заплаканная.

– Это только сначала я ради денег, Андрей, а потом... – всхлипнула Айгуль, кутаясь в плед на разворошенной кровати, – потом у нас всё с тобой началось по-настоящему. Разве нет? Мы же были счастливы...

Айгуль видела, что Балыков не нуждался ни в ее запоздалых признаниях, ни в слезах, ни в уверениях в преданности, но продолжала бормотать и всхлипывать.

– Даю тебе на сборы время до вечера. Выметайся. Получишь расчет у Борисовой, – сказал Андрей. – И предупреждаю тебя: если ты хоть словом проговоришься о случившемся Вике... Пеняй на себя. Официальная версия нашего расставания – тебе надоели мои бесконечные измены.

Айгуль плакала, пыталась говорить о начатом проекте... Спрашивала, что будет со Жданом. Балыков не считал нужным ничего объяснять. Он поставил недопитую чашку на подоконник и вышел из комнаты. «Комариные души, – думал он. – Закончились на свете женщины, ради любви которых стоит умереть. А если и сами умрут, то и не жалко».

На следующий день перед планёркой Ждан влетел в его кабинет.

– Старик, я понимаю, что ты в ярости, но послушай меня! – начал он.

Балыков, крутанувшись в кресле, повернулся к Ждану и спокойно кивнул.

– Выкладывай.

– Айгуль мне рассказала о вашей ссоре. Поверь, старик, ты понял все не так.

– А теперь ты меня послушай, Ждан, – перебил его Андрей, – Айгуль отработала свои деньги, и я думаю, что вместо неё я куплю другую девушку или сразу нескольких. Полагаю, что я имею право выбирать, с кем спать. Это была красивая игра, но она в неё проиграла. Я думаю, что теперь ей нужно начать на новом месте.

Ждан хлопал глазами.

– Постой, постой, – начал он, но Андрей его снова перебил.

– Ждан, ты не понял самого главного. Ты должен делать свою работу и делать её хорошо. В противном случае я тебя уволю. Так же, как Айгуль. Я не давал тебе поручения покупать мне женщин. Хотя за сюрприз спасибо. Немного дамского романа в жизни мужика – это даже развлекает. Предлагаю перевести все на язык цифр, который ты так любишь. Три тысячи долларов за три месяца. В месяц – тысяча долларов. Не так уж много, согласись. За эти деньги на полставки у меня работает юрист. С Айгуль мы спали примерно пару раз в неделю, итого

пусть от силы тридцать раз. И так, сто баксов за визит, – Андрей развел руками, – такая такса в «Белой орхидее». И при этом ни забот, ни хлопот. И заметь, товар отборный, не капризный. Так что я вернусь, пожалуй, к прежней схеме.

Ждан почесал за ухом.

– Старик, ты все воспринял с юмором, я этому рад... – сказал он. – Конечно, я прошу простить меня. Хотел же как лучше, помочь хотел. Вывести тебя из витка депрессии.

– У тебя получилось, Ждан, – кивнул Балыков, давая понять, что тема закрыта.

Мог ли Балыков рассказать всё это следователю? Он выжидающе смотрел на следователя и странно улыбался. Как он раньше не заметил голубую мерцающую ленту в волосах Инны Викторовны? Инна поёжилась и она постучала карандашом по столу и откашлялась.

– В общем, Марата Усманова, который убил Айгуль Давлетову на почве ревности, вы не знаете и никогда не встречали?

– Так точно.

– После расставания с госпожой Давлевой в ноябре две тысячи четвертого года не встречались?

– Не встречался.

– Увольнение Давлевой из «Сладкого папы» было вызвано личной ссорой с вами?

– Айгуль была ревнива, а я слишком часто давал ей для этого поводы, – развел руками Балыков.

Мещерякова дописала никчемный протокол и протянула его на подпись Балыкову.

– Сожалею, что был груб с вами. Навалилась какая-то усталость, – он впервые улыбнулся, – к тому же я знаю, что меня в городе недолюбливают. Я много работаю, на борьбу со сплетниками времени у меня нет. А мать Давлевой – просто сошедшая с ума от горя женщина. Я терял близких, но знаете ли... Виноватых на стороне не искал.

Балыков ушел, оставив Мещерякову в раздумье. Она заметила, как резко изменилось поведение несговорчивого свидетеля, но не находила этому объяснения. Казалось, еще десять минут, и он пригласит её на чашку кофе.

Мещерякова стряхнула наваждение и созвонилась с владелицей агентства «Белая лилия». Балыков говорил о сплетниках? Не мешало послушать их, ведь откровенного разговора не случилось.

Женщины договорились о встрече в тихом кафе на набережной. Июль вступил в свои права, и капризное тепло сменилось духотой. Инна жила в Солнечногорске уже пять лет и успела прикипеть к странному сочетанию быстрого темпа людских дней и неспешной красоты приозёрья. Сенежское озеро охлаждало бег, заставляло глубоко вздохнуть и уводить мысли от канители, которая и называется жизнью. Мещерякова не смогла бы жить в Москве: она была некомплементарна столице. Взять хотя бы провинциальную внешность и манеру одеваться. Сбитые набойки, форменная юбка и китель в будни, джинсы в выходные, короткий хвостик, стянутый канцелярской резинкой. Дешевая ветровка в кабинетном шкафу – для дождя и чтобы на вечерних дежурствах укрываться на раскладушке. Даже вместо помады простой блеск для губ, закатившийся в сумке между блокнотов и записных книжек.

Из-за жары на террасе посетителей не было, все спрятались под вентиляторы в кафе. Мещерякова знала владелицу агентства по работе и в полутемном зале заметила её сразу.

– Вряд ли чем-то смогу быть полезной вам. К нам Балыков давно не обращался. А вообще он щедрый и без выкрутасов, девочки довольны.

– Вы так спокойно говорите, словно занимаетесь не торговлей телом, а организацией утренников! – возмутилась Инна Викторовна.

– Наша деятельность совершенно законна, хотя многим и не нравится. Модельный бизнес и эскорт-услуги будут всегда востребованы. Думаете, что можно провести качественное мероприятие без красивых женщин? И откуда в вас такая щепетильность! – бизнесвумен фыркнула и отпила кофе.

– Что можете сказать о Балыкове? Какой он человек? Можно ли его считать опасным?

– Я понимаю, куда вы клоните, – сказала бизнесменка и доверительно приблизилась: – Я знаю, что он лечился в психиатрической клинике. Конечно, это скрывается, но я всегда проверяю клиентов. Балыков съезжал с катушек, если так можно выразиться. Но я не удивлена, ведь ему пришлось пережить столько потерь... Жена, брат, мать, разлад с дочкой. И эмоциональное выгорание.

– Не так уж и много, почти как у всех, – возразила Мещерякова.

– У всех да не у всех! – бизнесвумен откинулась в кресле и сверкнула глазами. – Все приходят домой после работы и давят диван. А мы, бизнесмены, работаем круглосуточно. Нам водку жрать и в жилетку ныть некогда. Учтите еще и прессинг властей, и рэкет, который, слава богу, поутих уже. А клиенты, а контрагенты? Атмосфера зависти и ненависти вокруг нас чего стоит! Я тоже свой бизнес с нуля поднимала, знаю, о чем говорю. Каждый из нас вылез из жопы девяностых. Не спился, не скурвился, а работал над своей империей. Пообщайтесь с Андреем Сергеевичем, поймете, о чём я говорю.

Поначалу Балыкова в Солнечногорске называли «выползнем». Пришел ниоткуда, выкупил останки обанкроченного пищекомбината, а через год повсюду красовались слоганы «Сладкого папы». В бизнес-сообществе Балыков не светился, с властью держался холодно, спонсором выступать отказывался. «Прижать» его не получалось. Откупался, изворачивался. Все, кто становились поперек дороги Балыкова, а прежде на пути его денег, несли не только убытки, но и более существенные потери. Проклятый он или заклятый? От Балыкова было проще отмахнуться, и уже через пять лет филиалы «Сладкого папы» были в пяти подмосковных городах.

Мало ли было таких, получивших сомнительный капитал девяностых? Инна Викторовна хмыкнула. Она не знала ни одного успешного человека с безупречной репутацией. Поговорив о Балыкове со сплетниками города, о которых он с горечью упомянул, Инна не смогла сложить мозаику образа этого странного свидетеля. О Балыкове никто ничего не знал. Говорили, что у него есть дочь-художница, которую он прогнал из дому, что все близкие его скоропостижно умерли, что лечился он в психиатрической клинике, которая потом сгорела. Да и сам, вроде бы, интернатский и бывший мент... Говоря о Балыкове, чаще упоминали его бессменных помощников – Табеева и Горшенёва, заменивших ему семью и друзей. Дьявольская троица существовала в замкнутом круге. Ни баб, ни пьянок, ни скандальных происшествий. Зацепить их было нечем, не торчало ни ниточек, ни хвостиков, и это Инне Викторовне не нравилось. Балыков заинтересовал её, как филателиста – редкая марка.

Мещерякова уже исполнила поручение о допросе, москвичи удовлетворились её «отпиской», отказали в возобновлении уголовного дела. Из головы «Сладкий папа» не уходил никак, к тому же мать Давлетовой с маниакальным упорством ходила в отдел милиции, как к себе на работу. Угрожала и плакала, настаивала на том, что в деле разобрались плохо, что Балыков всех москвичей купил, а заодно и Мещерякову с её гнилым руководством. В итоге начальник отдела попросил Инну снова допросить Балыкова, чтобы сделать окончательную отписку для полусумасшедшей Давлетовой. Инна позвонила Балыкову, и тот неожиданно пригласил её к себе домой. Инна также неожиданно согласилась.

Особняк Балыков выстроил себе на окраине Солнечногорска, неподалеку от корпусов кондитерской фабрики. Забор упирался в густой березовый подлесок, а тот живописно спускался к реке. Создавалось впечатление, что и березняк, и речка тоже находятся во владении

нии «Сладкого папы». За Инной приехал простой служебный автомобиль с фабрики и привез прямо к дверям особняка. Внешне дом был самым обычным: трехэтажный, добротный, без внешней вычурности. Но когда Инна вошла в холл, то невольно раскрыла рот. Все стены украшала смальтовая мозаика на библейские сюжеты. Мало того, что это было баснословно дорого, это было еще и кощунственно. Справа гостей встречал карикатурный змей, держащий в пасти румяное яблоко, и косила глазами носатая Ева, прикрывавшая исполинскую грудь косами. Слева виднелась фигура Христа посреди пустыни, а его плечи фамиллярно обнимал бес, сильно напоминавший лицом бывшего президента с его свинными глазками, в пиджаке, но с волосатыми козлиными ногами. Инна рассматривала картины без стеснения, удивляясь фантазии хозяина дома, и сразу же спросила, какой смысл крылся в его затеях.

– Дом твой – храм твой, – веско ответил Андрей, встретивший гостью в полотняном сером костюме.

– Но это не повод иконами его увешивать. Тем более, такими странными.

– Тут нет икон, обратите внимания. Здесь картины, над сюжетами которых человечество размышляет всю свою многовековую историю.

– Человечество – да, – не сдавалась Инна, – но вы-то почему?

– Как сын Евы и не противившийся распятию Христа, я думаю об этом неустанно.

– Вы на себя грехи мира берете? – со смехом спросила Инна.

– О нет, лишь о своих грехах я плачу. И проистекают они от зла познания и невозможности противостоять искусу, – сообщил Андрей и показал жестом, куда следует пройти гостье.

Инна хмыкнула, повела бровями. Она уже поняла, что ее собеседник еще тот фрукт, который в софистике собаку съел и очень любит мистификации разного рода.

Через светлый коридор, пронизанный лучами заходящего солнца, они прошли в библиотеку. Полки с книгами по эзотерике и черной магии, психологии и средневековой истории, мировым религиям и философии удивили, но Инна удержалась от вопроса «Вы это всё читали?». Она предположила, что вся выставка – часть мистификации и тщательно созданного образа. Пока гостья рассматривала фолианты, дверь бесшумно отворилась. В кабинет вошла совершенно голая старуха с высокой царственной прической, длинными серьгами в виде хрустальных шариков на цепочках. Из всей одежды на ней был лишь полупрозрачный фартучек. Старуха подала кофе, печенье, крупный изюм в вазочке, фруктовые башенки канапе на тарелочках с серебряными двузубыми вилками. Молча поставив все на низкий столик, продемонстрировав дряблые груди и морщинистый зад, она царственно удалилась.

– Знаете ли, это уже перебор! – оскорбилась Инна. – У дамочки аллергия на одежду или у вас не порядок с головой?

– Это было напоминание о том, что молодость и красота не вечны, – спокойно ответил Андрей и стал разливать кофе.

– Если вы это шоу для меня устроили, то напрасно старались, – небрежно бросила Инна, отказавшись от угощения, но села в кресло и закинула ногу за ногу.

– Боже избавь. На всех гостей не угодишь, – ответил Балыков, грызя орешек, – мой дом – мои порядки.

– Вы явно хотите меня обескуражить и даже оскорбить, но я буду делать свою работу, – упрямо сказала Инна.

– Такой цели, уважаемая леди-сыщик, у меня нет. Вы мне не интересны ни как женщина, ни как враг.

– Ну, спасибо за откровенность, – хмыкнула Инна, – тогда я и вовсе отказываюсь найти достойное объяснение происходящему.

– Одна голая баба вас повергла в такую истерику? – засмеялся Андрей. – Я думал, что вы на своей работе всякого повидали.

– Нет, не одна голая баба, – не сдавалась Инна, – с момента нашей первой встречи вы всячески пытаетесь меня обидеть, вывести из себя.

– Пытаюсь соответствовать тому образу демона, который мне навязало ваше пылкое воображение, – Андрей протянул вазочку с печеньем: – Угощение не отравлено.

– А я уже стала подозревать, что съем кусочек и очнусь в наручниках в каком-то подвале, – сказала с презрением Инна.

– Экие у вас фантазии! – восхитился Андрей и стал хрустеть печеньем. – У меня и подвала-то нет, и наручников. Но есть винный погреб, с неплохой коллекцией. Правда, дегустировать вино под звуки музыки и неспешную беседу мне не с кем. Табеев всегда до неприличия трезв, а Горшенёву только дай воли – всё выпьет без разбору.

– Оставим дегустации до лучших времен. Давайте поговорим о деле. Госпожа Давлетова снова пишет жалобы. Начальство поручило мне ваш повторный допрос. Расскажите мне снова все по порядку об отношениях с Айгуль Давлетовой и не стройте из себя Мефистофеля. Может, вам хоть что-то известно о том, как она жила после отъезда из Солнечногорска.

– Я видел жалобу Давлетовой. Ваш начальник был более честным, чем вы, и дал мне прочесть то, что все вы в отделе считаете бредом сумасшедшей. Знаете, что я вам скажу? Эта несчастная женщина совершенно права. Я – действительно порождение преисподней, и все смерти вокруг меня – это исключительно моя вина.

Инна закатила глаза и скривила губы. Паяц, совершеннейший паяц!

Балыков же не смягчал тона.

– Теперь, когда мы не в вашем обшарпанном кабинете, а я не дохлая муха на булавке энтомолога, я намерен поделиться с вами своей версией событий.

– Вы всегда говорите так витиевато или это библиотека эзотерики на вас дурно влияет? – саркастически спросила Инна.

– Видите ли, – Андрей встал и прошелся по комнате, – когда-то в прошлой жизни я работал простым следователем районного отдела МВД. Моя жизнь была проста, и говорить о ней витиевато не было необходимости. Потом в ней произошли некие события, которые и породили во мне желание заглянуть в бездну ученых книг. Понять я ничего не понял, но понахватался красотостей и теперь пудрю мозги очаровательным барышням.

Инна наклонила голову на бок и скрестила руки на груди.

– Что за события? Когда я сколотил первоначальный капитал, то, как водится, перешел дорогу нехорошим людям, и ... В общем, меня не убили, а проклинали. Теперь все последующие годы я процветаю, а люди, которых я люблю, умирают. Умерла моя жена, брат, мать, друг, любовница. Если я делаю жертвования, то, прикасаясь к моим проклятым деньгам, погибают и страдают люди. Вот прихожу я, скажем, в ваш затрапезный кабинет. Первая мысль такая: тысяч цать тут надо, и через неделю будет чисто и уютно. А вторая мысль такая: следователя Мещерякову собьет на пешеходном переходе случайно проезжающий автобус.

Инна слушала его спокойно, не перебивая, и у неё окончательно созрела мысль, что она имеет дело с сумасшедшим.

– В силу вышеизложенного, как любят писать в официальных документах, – произнес без улыбки Андрей, – я полностью ответственен за гибель многих и многих людей.

– Конечно, то, что вы поведали, очень, м-м-м... необычно, – Инна запнулась. – Я бы даже сказала, что это интересно для беллетриста. Но звучит для меня, как следователя, не очень убедительно.

– Я и не рассчитывал, что вы так просто поверите мне, – возразил Андрей, продолжая ходить по комнате, – в это верю я сам. Вот что главное. Скажу больше: я пытался освободиться от проклятья, но известными мне способами это не удалось. В итоге я избавился от всех, к кому у меня могла бы сформироваться привязанность, и, попросту говоря, перестал тратить свои деньги на нужды, не связанные с бизнесом.

– Живете анахоретом, развиваете бизнес и развлекаете себя странными причудами, – заключила Инна.

– В точности так, – ответил Андрей, с удовольствием в голосе.

– Чего же вы хотите от меня? – спросила она.

– Ничего, – ответил он, снова наливая себе кофе, – не я к вам пришел, а вы ко мне.

– А дочь с вами не живет по той же причине? – спросила Инна, чтобы окончательно убедиться в том, что собеседник верит в придуманную им историю.

– Да, я не хочу её потерять. И деньгами я ей не помогаю. Она художница, зарабатывает, как может. Иногда мои влиятельные друзья покупают её картины.

– И вы не видите никакого выхода из ситуации? – спросила Инна.

– Пока не вижу, но ищу этот выход. Вот, пытался избавиться от денег, так меня в психушку заперли. Мне там очень не понравилось. С тех пор я маскирую свое безумие и живу в предложенных мне условиях.

Инна покачала головой, дивясь, как далеко может зайти человек.

– Мы же будем целую неделю ехать поездом! Самолеты отменили, что ли? – возмущался Балыков, дергая нервно плечами. Викуша обняла его и положила голову на плечо.

– Воспринимай это как отпуск, – сказала она, водя пальчиком по застёжке-молнии на его куртке, – давно ли ты был в отпуске?

– Почти три месяца в дурке. Чем не отпуск? – сварливо сказал Балыков, но смягчился и погладил дочь по кудрям.

– Проводница в синей форме и пилотке застилает постель, изящно изогнувшись у нижней полки. Чай в стаканах с подстаканниками с дольками вялого лимона и кубиками рафинада... Романтично, сам бы поехал! – усмехнулся Ждан Горшенёв.

– Нельзя тебе, – сварливо ответил Балыков, – кто-то должен на хозяйстве остаться.

Ждан попрощался и остался на пероне. Троица погрузилась в полупустой и светлый купейный вагон. Пахло особым запахом поезда – кисловатым, с нотками моющего средства, глаженной постели, пыльных одеял и такого же пыльного ковролина.

– Есть хочу! – капризно сказала Вика, оглядывая купе. – Хочу вареную курицу, бледную и холодную, завернутую в газету. Яблоко, сала с черным хлебом и огурцом. И пару яичек облупить.

Она села и похлопала по сиденью. Взяла меню вагона-ресторана.

– У-у-у, – разочарованно протянула она, – суп с клецками, гуляш и греча.

– Обед был довольно невкусным: суп с макаронными звездочками, курица с рисом и компот, – процитировал Балыков, но Пелевина никто не читал и шутку не оценил. Только дочь пожалела, что отца в клинике плохо кормили.

Тронулись. Табеев стоял в коридоре возле дверей купе. Он не хотел мешать семейным разговорам. Вика приняла на свой счет и обиделась.

– Он так странно смотрит на меня, – сказала она отцу шепотом, – я его иногда боюсь.

– Он на всех странно смотрит, – хмыкнул Балыков.

– А у него есть женщина?

– Никогда не интересовался, – ответил Балыков и раскрыл газету «Гудок» за вчерашний день.

– Ты о нем так мало знаешь, – осторожно сказала Викуша и заглянула отцу в глаза..

– Я знаю о нем всё, что мне нужно, а самое главное – я ему доверяю как себе, – сказал Балыков, словно нехотя, и снова уткнулся в газету.

Викуша стала смотреть в окно и до самой первой станции молчала, подперев руками подбородок. На станции Табеев вышел на перрон, купил у бабки целую корзинку пирожков и занес их в купе.

– Сколько бабулек не гоняют, а они всё торгуют снедью, – восхитился Балыков и стал жевать пирожок. Викуша с неудовольствием наблюдала за тем, как Табеев методично пожирает выпечку. Он брал двумя пальцами каждый жареный пирожок с повидлом и, дважды дернув шеей, заглатывал его. Когда очередь дошла до пирожков с капустой, зрелище стало невыносимым, потому что капуста вываливалась из огромного рта Табеева и повисала на нижней губе, подбородке и воротнике верзилы. Закончив трапезу, он взял белое вагонное полотенце и вытер жирные руки и лицо. Удовлетворенно рыгнул в кулак. Это и загнало впечатлительную Вику на верхнюю полку.

– Расскажи при Вике, что тебе удалось узнать о шамане и о месте, куда мы едем, – попросил Балыков, закрыв плотно дверь купе.

Табеев не любил многословия. Покашляв, размяв шею и плечи круговыми движениями, словно перед спаррингом, Тамерлан рассказал, что они едут в Иркутскую область. Проверая догадки Ждана, ему пришлось искать Верховного Шамана. Нашел Тамерлан его быстро, но Орчун (так звали несговорчивого старика) принимать его не захотел, выставлял охрану, козлина. Но Табеев проявил упорство. Одному охраннику он сломал поочередно обе ноги. «Но доктор пришил ему ножки, и зайныка прыгает снова», – цинично прокомментировал Балыков, нарвавшись на осуждающий взгляд Вики. Второй охранник заблудился и нашел себя в подвале своего же дома, прикованным к батарее и без брюк. Вика попросила рассказывать без лишних подробностей, и Табеев кивнул ей. Так было потеряно три дня, а потом он догадался обратиться к старшей жене Шамана. Та выслушала его и поверила, что Балыкову нужна помощь, и это не очередная дурь или взбрык московского толстосума.

– Имя у нее красивое. Алтансэсэг, – мечтательно сказал Табеев, а Балыков хитро стрельнул глазами на Вику. – Она провела рукой по моей башке, а потом...

– Можно не продолжать, – предупредил Балыков и заржал, но Табеев закрыл глаза и произнес неожиданно тоненьким голосом:

– Она сказала так тихо ... Я в точности слова запомнил: «Тебе тоже помощь нужна, приходи ночью на полную луну выпить лунного сияния, уйдут боли в голове, не будет опухолей». Тело у нее худое и мосластое, а горячее, как печка. И рука горячая.

Балыков покашлял.

– Разве у тебя есть опухоль? – спросила Викуша, свесившись со второй полки.

Табеев взял ее за руку и приложил ладонь к своему лбу. Жест оказался неожиданно нежным.

– Тут была. Я так рассудил: если жена шамана может сделать такую штуку, то от шамана круче чудес жди. Но сам Орчун не понравился мне. Занудный, и воняет от него... От шкур и шапки кожаной несёт.

– Святая немытость, – поддакнул Балыков.

Табеев подробно все рассказал шаману, даже прочитал записку Горшенёва, чтобы не перепутать ничего. История проклятых денег графа Бутурлина Шамана не удивила. Не вынимая изо рта трубки, он сказал, что в середине девятнадцатого века недалеко от этого места было поселение ссыльных преступников. От них не осталось никаких следов, только школа деревянная, погост и на нем церковь трехкупольная с каменным низом. Сказал, что жила в те времена шаманка Юмдолгор, что означало «Светлая мать». Имя дали ей в насмешку. Потеряла она себя, вступала в связь с мужчинами. А то тело, что мужчина осквернил, добрые духи не посетят. Перестала Юмдолгор провожать души умерших в Верхний Мир, не откликались на ее зов духи Срединного Мира, предрекать о погоде и неурожает она разучилась. Только и могла она, что с нечистыми вещами говорить. Собирала рубахи висельников, бабы тряпки,

пеленки умерших младенцев. Тянула из Нижнего Мира нити черной сажу, сматывала в клубки. Привязывала этими ниточками мужа к жене, накидывала удавки на шеи неугодных, размазывала сажу по телу для на вечной его молодости. Все её боялись, но тропинка к хижине старой Юмдолгор была утоптана плотно. Ходили к ней и её же поносили. Черную сажу не отмыть, и не будет счастья у того, кто просил о помощи Юмдолгор. И проклятье её снять не получится. Могила Юмдолгор долго травой не зарастала, слишком много проклятий шаманка произнесла и греха на себя приняла.

Табеев говорил заученно, словно многократно повторил историю, рассказанную Орчуном. Да так оно и было... В легенду Табеев не верил, но складные её слова запали в душу, и всякий раз вставал перед ним хмурый рассказчик Орчун, поведавший историю старой шаманки. Потом Табеев рассказал, как ходил в краеведческий музей. Старая директриса долго водила пальцем по книгам. Наконец сообщила Табееву, что жила в здешних краях после каторги ссыльнопоселенка Ольга Бутурлина. Но на каком погосте её могила – в книгах не сказано. Наверное, после революции все архивы уничтожили за ненужностью. Не декабристка же эта Бутурлина чтобы о ней помнить. Про шаманку Юмдолгор директриса и вовсе говорить отказалась, сослалась на нехватку времени. Когда Табеев стал настаивать, то выругала его заграничным словом «обскурантизм» и сказала, что если бы не шаманизм, то край развивался бы как полноценная часть страны. Табеев нашел в словаре значение слова «обскурантизм» и решил не обижаться, потому что именно этим он и собирался заняться с Балыковым.

Балыков видел, как Вика сдержанно хихикает и подкидывал новые и новые шуточки по ходу рассказа Табеева. На насмешки Табеев не обращал ни малейшего внимания. Он выполнил задание и добросовестно обо всем докладывал. Если надо изводить черную магию, значит, хозяин должен знать все, что известно Табееву.

Шаман Орчун встретил гостей неласково. «Лишняя, – показал он пальцем на Вику. – Нас только трое. Девчонка не пойдет».

Табеев поправил кобуру, а Балыков вытащил из куртки стопку купюр. Шаман скривился, но деньги взял, разрешив Вике сесть в машину. В тайгу поехали на двух джипах, за рулем каждого сидели незнакомые хмурые водители. Балыков, понизив голос, спросил о них Табеева, тот заверил, что люди проверены. Под колесами хлюпало и чавкало. Срывался мелкий дождь, смеркалось. Балыков был напряжен, как зверь перед неумелым дрессировщиком. Неожиданно идущая впереди машина остановилась между деревьями, мотор заглушили. Шаман вылез, опираясь на посох. Балыков тоже съехал из колеи и остановился у высокой лиственницы. Хотя было ветрено, все стояли и чего-то ждали, тревожно вглядываясь в окружившие их сумерки. Со всех сторон чужаков обступала тайга. Местность была безлюдной, но дорога укатанной. Впереди она обрывалась в топи. К Ольхону никто не ездил: колеса тревожили духов.

– До Ольхона далеко? Где мы? – прошептала Викуша Табееву. Она боялась своими подозрениями расстроить отца.

Табеев взглянул на нее своими узкими глазами-угольками и сказал также тихо и непривычно длинно:

– Не туда едем. Сам вижу. Орчун обещал, что пойдем на Ольхон, к скале Шаманке. Там пещера, дом духов. Разлом миров. А сам завез нас куда-то.

– Зачем ему?

Табеев подошел к Орчуну и буркнул хмуро:

– Башку твою курячью отверну и в карман положу.

Балыков подошел следом и примирительно тронул Табеева за рукав. Он не хотел конфликта. Вика взвизгнула. Шаман завертелся волчком, потом остановился и запустил пальцы под дурацкую шапку, яростно массируя виски. Он тоненько подвывал усиливающемуся ветру. Не мог же он сказать этим людям, что теряет над собой контроль, что уплывает из этого мира! От шамана этого и ждали, но сам он всегда только лицедействовал. Приплывая на Ольхон, он

описывал круги вокруг столбов, имитировал общение с духами, но он был внутренне спокоен, как опытный актер. И он никогда не чувал ни малейшей вибрации земли. Теперь же заболоченная дорога ходила под ним ходуном, а сосны и лиственница скруглили свои стволы и нависли куполом. В муке Орчун смотрел на чокнутого москвича и гадал, что же это за человек, почему тайга не пускает их дальше? В том, что Балыкова нельзя было вести на Ольхон и гневить Угутэ-нойону, шаман не сомневался.

Хозяин мыса Бурхон мог дать несметное богатство, славу и долгую жизнь. Но Балыков шел не за этим. Он хотел исторгнуть что-то опасное, осквернить обиталище Угутэ-нойона! Шаману пришла внезапная ясность: «Надо увезти чужака подальше от Дома Духов, привести на могилу Юмдолгор. Убить!»

Компания смотрела на Шамана в изумлении. Он завывал от страха, потом замолк, осел кулем и распластался по земле.

– Молится, что ли? – спросила Вика с удивлением. Она не любила притворства и ощущала стыд от того, как ведет себя этот старик в клоунском наряде.

– Едем отсюда! – крикнул Балыков, но все заворожено стояли.

Наконец Орчун поднялся с земли, опираясь на посох. Его шатало, но глаза уже прояснились. Напоследок что-то невидимое толкнуло Орчуна в живот, шаман согнулся пополам, и его вырвало не землю.

Вика ойкнула и отвернулась. Табеев встряхнул Орчуна за шиворот.

– Дальше веди. Куда надо веди. Последний раз говорю!

Сели в машины, Орчун безвольно подымал руку и тихо шептал, куда держать путь. Когда он велел остановиться, то все вышли, бросили машины со включенными фарами и побрели почти заросшей тропой в одному Орчуну известном направлении. Табеев шел следом и надламывал ветки старых деревьев, помечая путь.

Балыков запомнил только, как Орчун показал ему на могильный холм старой шаманки. Как вспыхнула молния и раскрылся пролом, как шагнул он в поток голубого света, и всё внутри него, а не только вокруг, наполнилось голубым льдистым сиянием. Потом сияние стало меркнуть, а пролом закрываться, но уходить из него не хотелось, Балыков знал, что именно тут ему и место, в этом новом мире. И пусть обманщик Орчун не привел его на Ольхон, место само приманило Балыкова. Обняло и наполнило счастьем. Но вдруг Орчун вскрикнул и вытянул Андрея за куртку обратно, на берег, к запаху можжевельного костра, к пирамидкам наскоро сложенных камней. Балыков свалился, как подрубленное дерево, открывать глаз не хотелось.

Когда он очнулся, то его слезы смешивались со слезами дочери, а на ладонях сияло синее свечение. Такое же, как вокруг шеи Табеева и в кудрях дочери. Андрей откуда-то понял, что отныне будет видеть эту метку только на своих людях.

В доме Балыкова Инна ничего не ела, поэтому дома сразу же набросилась на холодные отбивные. «Конечно, вечер нельзя назвать таким уж тривиальным, – размышляла она, – но по большому счету в своих поисках я никуда не продвинулась. Балыков – странный. Позёр. Но удивил, следует признать».

Она тряхнула головой и посмотрела в зеркало: «Старею. Стрижка растрепалась. Вон сколько седины... Ну, плевать!»

Жуя, Инна пометила в блокноте: запросить сведения о службе Балыкова в органах внутренних дел, о грабежах и убийствах в период его работы, собрать факты о смертях, упомянутых им в разговоре. Но что бы это дало? Наверняка грабеж расследован, виновные наказаны, а проклятие к делу не пришьешь. Да и зачем собирать данные? Чем Балыков так её зацепил? Голой служанкой или козлоногим президентом на мозаике?

Она отвлекалась на службе от мыслей о Балыкове. Трезвонил рабочий телефон.

– Олег, я тебя очень прошу мне больше не звонить! Не смей дергать меня на работе! – у Инны иссякло терпение, но она держалась стойко. – Мне не интересно, чем ты будешь платить кредит. Суд нам разделит имущество, в решении все написано. С чем-то не согласен – пиши кассацию. Причем тут моя должность!

Инна бросила трубку и шепотом выругалась, вытерла выступивший на переносице пот, напялила очки в черной оправе и только потом заметила стоявшего в дверях Балыкова.

Под белым мятым пиджаком алела футболка. Льяные брюки украшал невообразимый красный брючный ремень. Красные туфли с черными носами дополняли образ.

«Вот клоун!» – мелькнуло у Инны, но вслух она сказала:

– Как вас пропустили?

Балыков помахал перед ее носом повесткой.

– Я вам повесток не выписывала, – сказала она возмущенно.

– Долго ли спать на компьютере ваш примитивный бланк? – усмехнулся Балыков.

– Что вам надо? – спросила она и тут же добавила: – Вы меня от работы отвлекаете.

– Вы позавчера забыли записную книжку со стихами у меня дома, я решил вам ее вернуть.

Не знаю, кто автор, но графоман еще тот.

Инна покраснела сунула блокнот в сумочку.

– Никто вам не разрешал лазить в чужих вещах и высказывать свои прямолинейные суждения, – упрекнула она.

– Я, грешным делом, подумал, что это вы специально... Для продолжения общения. Ну, нет так нет.

Балыков без извинений встал и, картинно поклонившись, покинул кабинет Инны. Она посидела немного, уняв неприятное сердцебиение. А какое ей дело до того, понравились ли её стихи этому богатому хаму! Инна отругала себя за смущение и принялась за работу.

К обеду, оформив с десяток ходатайств на детализацию звонков и обыски, она направилась в районный суд. Ежедневное исполнение нудных обязанностей, требовавших от нее внимательности, упорства и хорошей памяти, утомляло. Инна подумывала сменить профессию, даже пыталась сдать экзамены на адвоката, но вступительный взнос в коллегия был настолько велик, что она даже сумме не поверила. К тому же при разделе имущества мужу досталась однокомнатная квартира на первом этаже в центре, а ей – двушка на окраине, да еще на третьем этаже. Из такой офис не сделать. Зато бывший по мировому соглашению должен был платить по кредиту. Сам всё подписал, а теперь мотал нервы и звонил с наглыми требованиями выдать ему немедленно энную сумму.

В суде ей «завернули» четыре ходатайства из десяти «для надлежащего оформления». Привыкшая к такому исходу, Инна неожиданно расстроилась. Она присела в скверике на лавочке с салатом из контейнера, собранного утром перед работой. Меланхолично жуя, она поняла, что причиной ее истинной грусти является Балыков.

Записав его в сумасшедшие, она явно поторопилась. Он не походил на такого: вальяжный, уверенный в себе, наверное, жестокий и ... очень загадочный. Он просто эпатировал ее, пытался пробудить к себе ее интерес. И что же вышло – у него получилось. Балыков безошибочно угадал, что она, как дурочка, попадется на крючок. И наверняка сам потихоньку вытаскивал из ее сумочки злосчастный блокнот со стихами.

Инна вздохнула, отправила в рот кусочек маринованного огурца и посмотрела на свои туфли. «Эх, агент Кларисса Старлинг, в дешевых туфлях и с модной сумочкой», – подумала она и невесело усмехнулась. За ней давно никто не ухаживал, а развелась она два года назад. Коллеги по работе ее раздражали, о подследственных и говорить нечего. Круг общения с каждым годом сужался. Не то чтобы она мечтала встретить мужское надежное плечо и снова выйти замуж, но иногда ей становилось грустно, потому что одиночество и неприкаянность ее тяго-

тили. К тому же дни тянулись неинтересно. Работа её утомляла и вытягивала всю энергию. Вечера были предсказуемыми, а на выходных Инна и вовсе не вылезала из-под одеяла. День за днем шли, а вспомнить нечего.

Закончив нехитрый обед, полуголодная Инна вернулась в кабинет переделывать ходатайства. Ей хотелось, чтобы по приезде на работу она обнаружила загадочное письмо от Балыкова с приглашением на вечеринку, или букет цветов, или что-то подобное, необычное, но вполне вписывающееся в сюжет повести, которую она начала для себя придумывать. Разумеется, на этом этапе Инна бы отвергла Андрея. Но потом... Кто знает?

Однако в кабинете ее ждала только куча папок и реестр принятия дел к производству, а у двери стояла Давлетова с перекошенным от злобы ртом. Инна молча протянула ей постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, но Давлетова заявила, что с такой «писулей» она пойдет напрямик к прокурору.

– Делайте, что хотите, – сказала устало Инна.

– Глаза твои бесстыжие! Следствием занимается, а сама с магнатом шашни крутит! Я так в жалобе прокурору и напишу.

– Кто крутит? – Инна с возмущением поднялась со стула. – Вы что себе позволяете?

– Вас видели вместе! Вы к нему домой ходили, а ушли поздно ночью! – ехидно сказала Давлетова.

– Я вас за клевету привлеку, не сомневайтесь, – Инна могла за себя постоять и знала, что лучшая защита – это нападение. – Вы распускаете сплетни обо мне, а я – должностное лицо! И вы тем самым порочите образ милиции! Вон отсюда!

Давлетова не ступала, она торжественно заявила, что не остановится, и хлопнула дверью.

Расстроенная Инна села за стол. Это была последняя капля в её сегодняшней чаше неприятностей. Покрутившись на разболтанном кресле, она набрала номер Балыкова.

– Добрый день, – раздался густой голос Андрея.

– Это Инна Викторовна, следовательно.

– Я вас узнал. Что-то случилось? – Балыков ответил официально, но неожиданно добавил: – Переписали пару неудачных строф и решили поделиться?

– И не надейтесь, – засмеялась Инна, ей стало неожиданно легко от насмешки собеседника. – Приходила Давлетова и угрожала мне. Она также распространяет сплетни о том, что у нас с вами любовная связь.

– Это прискорбно, – сообщил Балыков серьезным голосом, – уж лучше грешным быть, чем грешным слыть, напраслина страшнее обличенья.

– Ценю ваше чувство юмора, – усмехнулась Инна, – но я вам звоню не для этого. Не могли бы вы ее убить?

– Ну и шутки у вас, Инна Викторовна, – удивился Балыков. – Пока не могу. Увы! Главный мой киллер уехал по личным делам. Сказал, что едет завоевывать сердце бурятской принцессы. Сам же я не убиваю.

– А как же ваша теория о том, что вы повинны в смерти многих и многих? – Инна не стала делать паузы. Балыков вздохнул и помолчал какое-то время.

– Вы не поняли главного в нашей беседе, Инна Викторовна. В лучший из миров отправляются те, кого я люблю, или мои близкие. Госпожа Давлетова, по счастью, к таковым не относится.

У Инны перехватило дух, и она поняла, что разговор заходит совсем не в то русло, куда она хотела его направить.

– Я предлагаю вам вот что сделать, – уверенно сказал Андрей, – наш прокурор – мягкий и податливый. Жалобщиков любит, а крайним быть не хочет. Он отменит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и направит вам материал обратно.

Инна нелепо поддакнула, а Андрей продолжил:

– Отпроситесь в командировку по моему делу. Можете даже за ваш счет, о деньгах не беспокойтесь. Я покажу вам места моей славы. Разочарованной не останетесь, а заодно и более полно напишете свой отказной материал.

– Иногда вы загоняете меня в какой-то тупик, и я ...

– И вы чувствуете себя душой? – закончил Балыков, а Инна засмеялась. – Поверьте, это нормально. Просто у нас с вами разный жизненный опыт.

Через неделю Инна, удивляясь самой себе, собрала чемоданчик. Командировку ей не оформили, отпуск за свой счет не предоставили и даже не дали больничного. Ей собрали кучку отгулов, и получилось ровно две недели. Коллеги смотрели на нее с завистью и даже обсуждали вслух, что Инна Викторовна нагло пользуется поддержкой «Сладкого папы». Но начальник следствия был мудрее. Он не хотел, чтобы Инна хлопнула дверью и уволилась, бросив кучу недорасследованных дел. Пусть поедет, может, чего и накопает на Балыкова. Можно будет потом его шантажировать. В рамках закона, разумеется. «Беспристрастность и объективность важнее всего», – заявил он менторским тоном и отпустил Инну в её крестовый поход.

Балыков подкатил на «Ленд Ровере» прямо к подъезду и пошутил: «Карета подана».

Инна усмехнулась. Чего-то подобного она и ждала.

– Сразу хочу пояснить, что я намерена проехать по всему начерченному вами маршруту. А вы уж, будьте любезны, без глупостей! – самым серьезным голосом сказала Инна Викторовна.

– Разумеется, моя строгая леди-сыщик, – ответил ей шутливо Балыков. – Будут еще какие-то указания?

– Будут, – кивнула Инна, – предупреждаю, что никаких приставаний и ухаживаний я не потерплю. У нас чисто деловая поездка.

– Исключительно разумное и безопасное предложение из всех, которые я получал за последние полгода, – прокомментировал ничуть не смутившийся миллионер и завел двигатель.

– Я думала, что вы путешествуете с водителем, – съехидничала Инна, но Балыков покачал головой и ответил, что Табеев в Бурятии, и теперь ему предстоит самому вспоминать навыки вождения.

– Вы же сказали, что он киллер!

– А в эпоху капитализма совмещение профессий – дело привычное.

Инне нравилось вести непринужденную беседу с Андреем. Он был начитан и остроумен. Он не спрашивал Инну о неприятных вещах: личной жизни, одиночестве, работе. Они могли бы добраться до Семеновска часов за двенадцать, но ехали медленно, а в шесть часов и вовсе свернул с трассы «Дон» и заехали первую попавшуюся деревню. «Глаза устали», – пожаловался Андрей. Придорожную гостиницу нашли быстро. Летом в ней останавливались отпускники, рвущиеся к морю, и два номера нашли с трудом. После сытного ужина Андрей и Инна разбрелись по разным этажам.

Лежа на широкой кровати в любимой пижаме со Спанч-Бобом, Инна размышляла о прожитом дне и ждала стука в дверь, но потом незаметно уснула. Она забыла зашторить окно, и потому проснулась раньше будильника. В половину седьмого её разбудил нещадно бывший в лицо солнечный луч. Сменив джинсы на фатиновую юбку, Инна покрутилась у зеркала и решила, что так она выглядит более легкомысленно и, как следствие, более привлекательно.

Балыков встретил её бодрым и выспавшимся и сказал, что маршрут он поменял.

– Сначала в Задонск заедем. Не в соответствии с хронологией событий, но ... —вздыхнул Андрей и стал писать смс-ки невидимым собеседникам. Инна не возражала, рьяно разгоняя пенку на поверхности кофе. Быстрый завтрак прошел в молчании – Инна не хотела заговаривать первой, а Андрей её игнорировал. Исподтишка она рассматривала его. Совсем седой,

жесткая стрижка, небритость, кустистые темные брови, глубокие носогубные складки, прямой нос.

– На мой нос смотрите? – неожиданно спросил Андрей.

– Нет, вспыхнула уличённая Инна.

Андрей не ответил, вышел в холл, расплатился за ночлег. Уже в машине, после поворота на трассу, Андрей сказал:

– Я делал пластику носа в Москве. Он у меня был трижды сломан. Это доставляло мне массу проблем. Круглый год насморк, плохое настроение. Теперь всё отлично.

– Не думала, что мужчины пластику делают, – удивилась Инна.

– Да, и довольно часто. Я избавился от всех шрамов на теле – пулевых и ножевых. Один только оставил на левой руке. Память об остальных я хранить не стал.

– Что же это за шрам такой ценный? – заинтересовалась Инна.

– Неудачная попытка самоубийства.

Утром после сороковин жены похмельного Балыкова разбудил требовательный телефонный звонок от тещи. Дина Петровна снова плакала и причитала. Андрей с трудом понял, что речь идет о Вике.

– Негодница! Сбежала! Ума не приложу куда! Утром в школу я её отправила, а уже в девять мне позвонила ее классный руководитель и спросила, придет ли Викуша в школу, после поминок-то! Тут меня и зателепало!

Балыков выронил трубку и застонал, зарычал, заметался по комнате. Конечно, он должен был это предвидеть. Тумайкин просто так не отпустит, да и Боровицкий не такой уж старичок-простачок! Балыков озверел и стал крушить и ломать все, что попадется под руку. Приехавший Табеев мрачно посмотрел на разбитые табуреты и осколки посуды.

– Я проверю Тумайкина и его шайку. Ты успокаивайся, мент. Ищи дочь по своим каналам. Чуйка у меня, что она где-то рядом.

Балыков сомневался: говорить с руководством РОВД о пропаже дочери или нет. А если выплывает его история с ювелирами, кладом? Ему никогда не отмыться. Но в то же время он понимал, что Викушку можно найти только силами уголовного розыска. Затоптав остатки осторожности, он пришел со своей бедой прямо к Володину. Это был его новый начальник, и Балыков невольно поспособствовал ему занять место Андрущенко.

– Дочь со мной жить не хочет, винит меня в смерти матери, – заявил Балыков. – Я сказал Викуше, что после сороковин ей надо домой возвращаться, хватит у бабушки жить. Так она наутро и сбежала. До школы не дошла.

– Сам знаешь, что тут два варианта. Если кто похитил, то в скорости будут требования. Если сама ушла – найдем, ребенок далеко не убежит. Сейчас соберу опергруппу, начнем.

К вечеру никто не позвонил, о выкупе требований не заявил. Распространение фотографии и ориентировки не помогли. Табеев прижал Боровицкого, но старый еврей лепетал, что ничего не знает и триста раз уже пожалел, что связался с нервным Балыковым.

– Округу прочесать нужно, – убеждал себя вслух Балыков, – цыгане от меня отстали, это не они. Тумайкин – жидкий дрыщ, на него можно времени не тратить. Да и далеко он. Скорее всего, дочь сама ушла.

Бессонная ночь прошла в телефонных звонках. Проверили все отделы милиции, спецприемники, морги и больницы. Ничего! Балыков свалился от усталости в шесть утра и проспал до девяти. Вскочил как ошпаренный, стал проверять смс-ки, пропущенные звонки, но снова ничего. Помчался в отдел. Голодный, включенный и помятый, он орал на сотрудников. Опергруппа сменилась, и ребята не знали, в чем соль и фишка. Свой район они проверили, а там...

Не их епархия. Володин убыл на какое-то областное совещание, говорить было совершенно не с кем. Пометавшись по кабинетам, он в бессильной злобе зашел к кэдээннице Мокиной.

– Знаю, знаю, – махнула она на Балыкова. – И как ты выживаешь только!

Простодушная и маловоспитанная Мокина ругнулась крепким словом и предложила Балыкову выпить.

– Машка, пропадаю, – взмолился Балыков, – помоги хоть ты. Ну куда может ребенок деться? В автобусы не садилась, на трассе её не видели, в больницах и моргах нет.

– Варианты есть, – сказала Мокина, недолго думая. – У подружек. Но там проверили. У дружков... Но возрастом мала... Надо по притонам проехать.

– Вроде ездили, – уныло сказал Балыков, на что Мокина развела руками.

– Знаешь, чё, – начала она, – я вспомнила случай с одной девкой в прошлом году. Она инсценировала свой побег, а сама никуда не бегала. Сидела в сарае, пряталась. Прикинь, три дня сидела. Ночью выходила, жрала чё-то дома, потом опять в сарай.

– Поеду, еще раз всё прошарю, – сказал Балыков.

Поиски в сараях и на чердаках у Дины Петровны ничего не дали. Сама же теща изображала соляной столб: серая, прямая, непреклонная. Все её жизненные проблемы были из-за непутевого зятя. Балыков видел в её глазах непримиримую ненависть, но губы Дина Петровна сжала и ничего не комментировала. Швырнула ему, как голодной собаке, миску пшеничного супа. Насыпала сухариков, которые сушила в духовке и хранила в холщовой косынке. Балыков похлебал, удивившись вкусу домашней пищи. У него под спудом лежали миллионы, а он радовался миске горячего супа! Уронив лицо на руки, Андрей впервые после похорон жены расплакался. Такое немужественное проявление чувств не разжалобило Дину Петровну, но Балыков на её сочувствие и не рассчитывал. Вытерев слезы, он еще раз прошелся по всем комнатам дома тещи, покопался в столе и шкафу дочери.

– Слушай мои соображения, – сказала сквозь зубы Дина Петровна, – у меня кошелёк пропал. Бисером такой вышитый, я там держу деньги на случай, если надо быстро расплатиться. Нет красного свитера Викушкиного, кое-каких продуктов.

– Слава богу! – выдохнул Балыков. – Значит, не похитили, значит, сбежала. А раз сбежала – найдем.

Дина Петровна покачала головой, выказывая явное недоверие зятю и всей его безмозглой ментовской ораве бездельников, о которой утром по телефону она говорила районному прокурору. Балыков поехал по домам одноклассниц Вики. А там, хоть и сочувствовали отцовскому горю, но встречали измотанного Андрея с неудовольствием. Ну да, их дочери дружили, но о желании Вики сбежать из дома никто не знал. Андрей беспечно колесил по городу. И в каждой девочке в темной курточке и джинсах он видел дочь.

Не выдержав напряжения, он приехал к дому Жуковских. На месте раскопа старого колодца прочно покоилась бетонная плита. Развороченный раскопками двор походил на место ковровой бомбардировки. На двери ветхого дома висел замок. Жуковские не захотели жить в доме, возле которого нашли мертвое тело их подруги Леры. Уехали, не попрощавшись с Балыковым.

Андрей, покрутившись во дворе, вернулся в отдел. Кинолог Басович сказал виновато, что со своими Девочками он отработал запаховый след Вики, но он оборвался в конце улицы, где как раз находилась автобусная остановка. Дальше Девочки, то есть собаки, не пошли. Балыков метался по городу в поисках новостей и виноватых в том, что его дочь до сих пор не найдена. Он был готов хоть черта лысого ублажить, лишь бы узнать, где его Викуша и что с ней.

Пришел, наконец, к Сонике в дом культуры. Там уже знала о пропаже ментовской дочери, женщины сочувственно смотрели и качали головами. Мимо него бегали диковато загримированные девицы в кокошниках, готовясь к очередной репетиции, и шушукались. Соника была

в своем кабинете, среди гармоней и мандолин. Под плакатом: «Культуре быть, культуре жить» она постелила на столе красный головной платок. Сразу поняла, что надо погадать.

– Уезжать тебе надо отсюда, порча на тебе, Андрей, – черноглазая цыганка заперла изнутри дверь кабинета, взглянула на часы: – Служба прошла в церкви, гадать можно.

Соника вытащила из сумочки черный мягкий футляр, вытащила из него карты Таро. Блестящую длинную колоду положила на платок. Андрей сдвинул часть колоды от себя левой рукой, по его спине пробежала непонятная дрожь.

Соника вытащила шесть карт и недолго помолчала.

– Не хотят карты о твоей дочери говорить. Всё только о тебе. Её нет в твоём кругу.

– Так скажи, что говорят, – нетерпеливо попросил Андрей.

– Выпала карта старшего аркана – колесо фортуны. Оно выпадает редко. И означает всегда одно, как ни крути. Случилось что-то жизненно важное, судьбоносное. Сложно сказать, что именно. Это событие одновременно и богатство дает, и силу отнимает. Дальше смотри: легла карта башни. Это означает падение с пьедестала. Ты упал, казалось бы, плохо, но при этом столько пентаклей выпало... Всё младшие арканы. Пентакли означают изобилие. Ты купаешься в деньгах и удаче.

– Что-то не сильно на мою жизнь похоже, – невесело закончил Андрей.

– Тебе виднее, – с сомнением сказала Соника, собирая карты. – Одно могу сказать я: не вижу я смерти твоей дочки. А гадала я на этот вопрос, ты уж извини.

Ночью, когда он досмотрел какой-то очередной документальный фильм, отвлекаясь и раздумывая над словами Соники, позвонил телефон. Андрея отчего-то сразу кольнуло в ключицу. Раньше мама говорила, что если болит в точке, где сходятся две косточки, то это предвестник инфаркта. Андрей поднял трубку.

– Андрей Сергеевич Балыков? – спросил незнакомый мужской голос.

– Да.

– Вас беспокоит дознаватель Терпигорев, Павловск. Дело в том... Как бы сказать получше... – мужчина замялся, а у Балыкова стали холодеть руки. – Мы нашли тут у моста тело. Черная курточка, темные брюки, светлые волосы. Без особых примет. Без портфеля и документов. На вид около девяти лет, немного младше, чем указано в ориентировке на Викторию Балыкову. Но... надо приехать на опознание.

Андрей выслушал Терпигорева спокойно и отчего-то сразу поверил ему. Вот она и башня на карте Таро, с которой он упал, вот оно и колесо фортуны, которое крутанулось в другую сторону. Отбросив трубку телефона в сторону, он медленно поднялся. Дошел до ванной комнаты, включил горячую воду, выломал из бритвенного станка лезвие и усмехнулся. Дураки режут вены поперек. Выглядит страшно, но не опасно. Велу нужно резать вдоль канала. Когда ванна набралась, Балыков, не снимая одежды, закатав рукав рубашки, погрузился в теплую воду.

– Ну, милостивый государь, и как вы думаете, где вы? – спросил полноватый Медведков, сияя как пуговица с гусарского мундира.

– Не пойму пока, – ответил заплетающимся языком Балыков, – а вот ваше лицо мне знакомо.

– Конечно, знакомо, мы лет семь-восемь друг друга знаем. Вы мне пациентов на экспертизу доставляете, – Медведков заботливо поправил одеяло на кровати.

– Вы – Лев Евгеньевич, – неуверенно сказал Андрей.

– Славно-славно, – проворковал врач, – а то все не помню, да не знаю. Кушать-то будете? А то изверги вас через зонд кормили, а потом бросили эту затею, да витамины только и капали.

– В груди болит, – пожаловался Балыков.

– Конечно, болит, – покивал Медведков, – отчего бы не болеть? Зондом растревожили вам пищевод. Надо овсянки теперь, супчику жидкого с перловкой. Я вас на ноги поставлю, будьте спокойны!

С этими словами Медведков чинно удалился, дав какие-то распоряжения медбратьям.

Балыков сел и огляделся. Обычная больничная палата: тесная, узкая, как ученический пенал. Три койки, включая Балыковскую. На одной лежал заросший седыми космами и густо покрытый татуировками мужик. Вторая пустовала. На окнах решетки. Рамы старые с облупившейся краской, кусочками желтой ваты. Умывальник в углу с латунным носиком и белой шапочкой, сильно поцарапанной, словно ее грызли. Именно этот старинный водяной кран навел на Балыкова смертную тоску: «Вот он какой, мой теперешний дом». Стены до половины в синей краске, а до потолка в побелке. Побелка густая и свежая, как пудра на щеках девки на выданье.

– Очухался? – спросил Балыкова татуированный мужик.

Балыков не ответил. «Доигрался до дурдома», – подумал он.

Через какое-то время пришла мысль, что теперь с работы его точно попрут, и Андрей захохотал. Расхохотавшись, не мог успокоиться, всё икал и трясся, пока не завыл, завалившись на бок, кусая угол подушки. Так и был, пока не пришел санитар и не сделал болезненный укол в тощую задницу. И в этот раз Андрей не пообедал, а уснул. Проснувшись, потребовал еды. Ему принесли в неурочное время как особе, приближенной к врачу. Каша была склизкой и холодной, а суп мутным, но Андрей всё съел.

На следующий день он начал вставать, шатаясь, подходить к окну, смотреть на деревья, уже опаленные ранней осенью. В голове поселилась странная пустота. Он рассмотрел свои руки в бинтах и вспомнил, что резал вены. Но отчего он мог так с собой поступить... Нет, никак не вспомнить.

Медведков посматривал на Андрея с хитрецей – не выкинет ли тот какой штуки. На третий день вызвал к себе в кабинет и предложил коньяку. Балыков от рюмки отказался, его и так валило с ног.

– Память стала к вам возвращаться, Андрей Сергеевич? – спросил Медведков осторожно.

– Пока не очень... Что-то, как-то... – Балыков смутился.

– Можно ли вас тревожить?

– Только хорошими новостями, – усмехнулся Андрей.

– Вот и славно, – кивнул Медведков, вытянув руки перед собой ладонями вниз, похлопал по столу и продолжил: – Дочка ваша, Вика, жива. Все у нее в порядке, милиция её нашла и вернула к бабушке.

Андрей потер лоб, вспоминая, что не так, но ... Тщетно.

– Ваше потрясение было настолько сильным, что мозг временно отключил некоторые участки памяти, через несколько дней все вернется.

– Сколько я уже нахожусь тут? – спросил Андрей.

– Восемь дней, – улыбнулся Медведков.

– Кто-то спрашивал обо мне?

– О, не беспокойтесь! Спрашивали, и многие! – оживленно начал врач. – И дочка ваша, и теща, и коллеги по работе. И друзья.

– Друзья? – Андрей неприятно засмеялся.

– Ну да, а что вас удивляет?

– Просто я не помню, кто теперь мои друзья.

– Как же, как же. Табеев, Горшенёв.

Андрей вскинул брови. Если фамилия Табеев ему была смутно знакома, то Горшенёва он вспомнить не мог.

– Когда меня выпишут? – спросил Балыков.

– Когда сами захотите уйти, – сказал Медведков.

– Не хочу пока, – заверил его Андрей и попросил: – Перестаньте мне колоть лошадиные дозы успокоительного, мне уже лучше.

– Ладненько, – потёр ладони Медведков.

Потекли одинаковые, скучные дни. Балыков много спал, гулял в заросшем парке, отъедался. Относились к нему настороженно, боялись рецидива. И зря. Несколько раз Андрей поговорил с дочкой по телефону в кабинете Медведкова. Но он понимал, что рядом с Викторией сидит Дина Петровна с выражением муки жалости на лице, потому разговора не получалось. Викуша только лепетала: «Папочка, прости! Папочка, выздоравливай!»

– Этот шрам мне постоянно напоминает, что всё может быть не таким, каким кажется, – Балыков невесело засмеялся.

– Наверное, это кризис среднего возраста. Вспоминать о том, что причиняет боль и проживать её снова. Может, это и такая банальность, но об этом так много пишут, – улыбнулась Инна.

– Нет, Инна Викторовна, – возразил ей Андрей, – кризис среднего возраста я уже преодолел и следом попал в другой. В кризис деперсонализации.

– Впервые слышу о таком! – удивилась Инна.

– Это значит, что я смотрю на себя со стороны и удивляюсь: это всё происходит со мной? Где же я сам, когда же я стану собой?

– Мне кажется, что вы лукавите, – сказала Инна, – и кризис себе выдумали под стать. Вот жили себе обычно и скучно, а тут проснулся в вас удачливый игрок. И теперь ждете, что вас схватят на прикупе за руку.

– Вы весьма наблюдательны, – похвалил ее без смущения Андрей, – я думаю, что все у нас получится.

Инна поерзала на сиденье и не стала ничего отвечать, а с раздражением на саму себя уставилась в окно. Километров сто проехали молча. Инна задремала и проснулась, когда машина въезжала в Задонск. В этом городе она была впервые, и он чем-то напомнил ей Кострому, в которую она ездила как-то с мужем. Всюду золотые купола, берег неширокой спокойной реки, узкие старинные улицы, в домиках полукруглые окошки. Андрей припарковался в каком-то проулке, видимо, хорошо знал город. Они вышли из машины, Инна потопталась на месте, разминая затекшие ноги. Залитая солнцем округа выглядела праздничной, звонили в колокола.

– Странно, утренняя служба прошла, – старалась показать свою осведомленность Инна.

– Это не на службу зовут. Это паломники развлекаются. Ежедневно в Задонске их сотни, а в праздник до нескольких тысяч доходит. Владыка разрешает самым ретивым позвонить в колокола, как часть культурной программы для паломников.

– Какая-то коммерциализация, не находите? – спросила Инна.

Андрей пожал плечами, мол, толкуй, как хочешь.

Зашли в монастырскую столовую. Пахло пирожками со сладкой начинкой, но Балыков их не купил, а взял горячего супа и салат, Инна последовала его же примеру. Обедали и рассматривали посетителей. Кассир в платочке утомленно выбивала чеки, ошибалась и резковато отвечала покупателям.

– Я думала, что в монастырях все вежливые, – шепнула Инна.

– Напрасно, это такие же люди, как и мы сами.

– Вы не осуждаете их? – удивилась Инна.

– Не вижу повода, – отрезал Андрей, и девушка заметила, что он волнуется.

После обеда они погуляли по территории монастыря, и Балыков зашел на погост. Инна рассматривала могилы настоятелей, братьев, благодетелей-жертвователей. Балыков остановился у памятника, на котором было начертано имя отца Иллариона.

– Это могила моего двоюродного брата, Павла в миру. Какое-то время нас одна бабка воспитывала. Потом меня в интернат определили, а Павлика отец забрал. Мы всю жизнь дружили, хотя и были разными. Слишком разными. До полного непонимания.

– Бывает, – подхватила Инна, лишь бы что-то сказать, и увидела гневное лицо Балыкова.

– Естественно, бывает, – сказал он громче, чем положено. – Где ему было меня понять? Он в монастыре от жизни спрятался. В голове одни кресты и молитвы. Просто решил отделаться. А я тут остался – за оградкой. И не помощи, и не защиты.

– Это вы мне теперь или ему? – спросила Инна, ежась от налетевшего порыва ветра и слов Андрея. Она оглянулась и увидела, как в их сторону медленно шел высокий старик в толстом черном пальто, надетом на суконный подрясник. Войлочный клобук на голове, ухоженная рыжеватая борода.

– Смотрю я, кто к отцу Иллариону наведется, а это Балыков Андрей Сергеевич. Ну, здравствуй, здравствуй.

Балыков кивнул и поцеловал руку настоятеля монастыря.

– Благословите, отец Игнатий.

Настоятель перекрестил Андрея и Инну.

– Для чего пришел? – спросил отец Игнатий. – Для покаяния, беседы? Может, пирожков монастырских покусать?

– Вот, смотрю, не нужна ли помощь, – сказал без обиды на тон отца Игнатия Балыков.

– Справляемся, – кивнул Игнатий, и, пожевав губами, сказал: – Все по колдунам и ведунам едешь? Люди говорят. А я вот что скажу: не только пустое это, но и грех великий. Подумай об отце Илларионе. Как ему больно на тебя смотреть! Икона его любимая, «Богоматерь Остробрамская», плачет слезами кровавыми. А памятник покойному два раза уже ставили. Сначала от молнии пополам раскололся, а потом дерево на него упало. Думаешь, просто так?

Андрей молчал, а отец Игнатий возвысил голос:

– Люди думают, что чудо: вот, икона заплакала! А чудо не в этом! Чудо нынче в праведной жизни, в покаянии и в раскаянии.

Балыков не отвечал, а отец Игнатий махнул рукой и пошел восвояси, но потом резко повернулся.

– Ничего-то ты не усвоил, Андрей Сергеевич, – сказал он с укоризной, – сколько с отцом Илларионом говорил, а все попусту. Молюсь я за тебя теперь.

Андрей приехал в Задонск навестить двоюродного брата уже под вечер. Как и раньше, он остановился в самой дешевой паломнической гостинице на подворье, принадлежавшем местному священнику, так как в разгар паломнического сезона найти ночлег было нелегко. Ожидание Прощеного Воскресенья, начало Великого Поста привлекало множество верующих и фарисействующих. Андрей вошел на подворье, мигом сосчитал количество машин на стоянке, заметил увешанные бельем веревки. Пройдя за неспешной старушкой в монашеском одеянии, обратил внимание, как много пар обуви стоит у каждой двери, разной – женской, детской, мужской.

– На завтрак яичница с хлебом и брусничный морс, на обед щи с килькой и каша тыквенная, ужин – мойва соленая и картофель в мундирах, – монахиня перечисляла меню гостиницы.

– Спасибо, я согласен, – сказал Андрей, нагибаясь и проходя под сплетенными сонными лозами винограда. Монахиня отвела его в дальний угол с курятником, отперла дверь отдельно стоящего домика.

– Куры будут спать мешать, – с неудовольствием сказал Балыков, но монашка спокойно разложила принесенное белье и полотенце на диване, бросила на стол половинку криво отрезанного бруска мыла. Показала пальцем на электрический обогреватель в углу:

– Попусту электричество не палите. Двери затворяем в двадцать два часа, стучать и мешать покою паломников не надо. Опоздаете – ищите другой ночлег.

– Милая, – повышая голос, сказал Андрей, – а другого номера нет? Тут курятник, куры мешать будут.

– Птицы божии мешать не могут, – отрезала монашка и удалилась.

Андрей сел на диван, похлопал по сиденью. Пружины вроде нигде не торчали. В номере было прохладно, он включил обогреватель, от которого сразу запахло паленой пылью.

Принял душ, поливая себя тонкой струйкой еле теплой воды, съел пару завядших магазинных огурцов с хлебом и лег спать. Ночью вскрикивал петух, но уставший с дороги Балыков, не просыпался, а только ругался. В половине пятого методично завохтели куры, около восьми бряцнул пару раз медный колокольчик, окончательно разбудивший Андрея. За стеной звали:

– На завтрак! На завтрак!

Балыков вышел из номера и нашел столовую. За накрытыми клеенкой столами сидели просветленные, сходявшие к утренней службе паломники. Две шустрые молодые послушницы споро метали на длинную столешницу белые фаянсовые тарелки с рисовой кашей, а паломники передавали их по кругу. Балыков сел с краю, и тут же его потеснила грузная дама в фетровой шляпе. От дамы пахло потом и резкими духами. Балыков поморщился, но решил потерпеть.

Когда кашу раздали, монашки стали весело наливать морс.

– Обещали же яичницу, – недовольно сказал Андрей, и окружающие его паломники посмотрели на него осуждающие.

– Бог яиц не послал, – отрывисто сказала одна послушница с веснушками на носу. У нее было удивительно милое и открытое лицо, только платок она завязывала по-дурацки, за ушами.

За столом зашумели, весело отшучиваясь, застучали ложками. Андрей смотрел на девушку – вряд ли ей было больше двадцати лет.

– Скажите, давно вы в монастыре? Такая красивая – и в монастыре? – спросил он, зная, что нарушает правила приличия.

Послушница строго посмотрела на него и сказала без тени улыбки.

– Я в послушании два года. А с чего вы решили, что богу должны служить только уроды и немощные?

Этим ответом она поставила Балыкова в тупик, он хмыкнул одобрительно и вернулся к каше. Послушницы разлили морс и убрали тарелки.

Балыков вышел из-за стола и вернулся в комнату. В непонятном смятении он прикидывал, как убить время до встречи с Павлом. Они договорились увидеться в пятнадцать часов, когда в канцелярии закончатся приемные часы. Павел служил при ней, занимался просветительской деятельностью в лектории, издавал брошюры. Соскучившись по брату и наставнику, Балыков раза три в год приезжал к нему. Бескорыстная любовь Павла и его способность слушать были незаменимы. Павел в монашестве носил имя Иллариона, что ему очень шло. Он и внешне очень походил на своего небесного покровителя, Архиепископа Вереяского Иллариона, соловецкого узника, похороненного на Новодевичьем кладбище у Московской заставы. Светлое лицо, прямой нос, мудрые без единой хитринки глаза. Был он веселым и добродушным, как само греческое имя, носимое им.

Считавший себя неудачником и бестолочью, Андрей нуждался в брате, как в щите от невзгод, уповал на то, что тот толкнет его с перепутья в нужную сторону и непутевая жизнь

покатится по новой, удачливой колее. С тем и приехал, томился в ожидании разговора, не зная, как и с чего он начнет.

После завтрака Балыков решил пройтись по Задонску, спуститься к Тешевке. В очередной раз удивившись тому, как мирно в Задонске уживаются трехметровый Ленин с указующим перстом и многочисленные купола монастырей, Балыков обошел обитель, увязая в суглинке, и направился к берегу вдоль высокого кирпичного забора, нарядного и беленого. Привычно подивился центральному Владимирскому собору, напоминавший миниатюрную копию Храма Христа Спасителя. На Тешевке, которую местные упорно называли Иорданом, лед еще не двинулся, но везде появились промоины, между кусками посеревшей снежной ваты проступала чернота воды. На берегу снег почти не стоял, утопанный тысячами ног в толстую кору. Особенно он уплотнился под плакучими ивами и березами.

Ни мартовский берег, ни дорога к нему не радовали глаз. Серая и унылая картина умирания. Сонмища ворон и галок, не покидавшие этих мест на зиму, заполонили прибрежную рощу. Тишина нарушалась их наглыми криками и хлопаньем крыльев, так как эти «божии птицы» беспокойно перелетали с места на место. Здесь Андрей хотел подумать о том, что скажет брату, и о том, что тот ему ответит, о чем догадается, если умолчать. И стоит ли умалчивать, и как говорить вообще...

Дойдя до кромки воды, Андрей увидел ее мутную зыбь, осколки грязного льда, похожего на колотый сахар, обсиженный мухами. Постоял с полчаса и озяб. Ни одна мысль ему в голову не пришла. Он досадливо повернулся и заметил силуэт пожилой женщины в коричневом стеганом пальто и рыжем платке, которая брела от берега в город.

«Странно, – подумал Балыков, – мы должны были обязательно встретиться, тропинка тут одна. Почему же я ее не заметил, когда шел сюда?» Он решил догнать женщину и пошел, оскальзываясь, по растаявшей тропинке, взмешивая остатки снега и глину, огибая ветки ив и берез, стволы которых обступали берег. Не могла же эта паломница выйти из кустов? Там и схода-то к реке не было.

– Эй! Извините! – крикнул Балыков негромко, женщина не обернулась. Ему стало тревожно и даже страшно, и он крикнул громче. Вспуганная стайка ворон взметнулась вверх и загалдела. Женщина, не оборачиваясь, шагала впереди, метрах в двухстах от Балыкова, не медленно и не быстро, словно не слышала ни птичьего гвалта, ни окрика незнакомца. Андрей спешил за ней, но расстояние не сокращалось. Это было похоже на дурной сон, когда бежишь и не можешь догнать, или хуже того – убегаешь на ватных ногах от преследования.

– Да стойте же! – раздраженно крикнул Балыков. – Я вам говорю!

Не заметив нахально выползший из глины корень старой березы, Андрей споткнулся и упал навзничь, чертыхаясь и неправославно матерясь. Куртку он безнадежно измазал, джинсы моментально впитали в себя весеннюю слякоть. Отряхиваться смысла не было. Балыков поднялся и не заметил никакой старухи впереди. Он оглянулся вокруг – никого, только слева вдалеке маячила красная куртка молодого мужчины, выгуливавшего громадного черного пса, да сам пес, который гонял птиц на пустыре.

– Сбрендил я, что ли? Какая бабка Марфа... – злобно и громко спросил себя Андрей, плюнул вбок и побрел в гостиницу. Там он счистил грязь с подошвы, ледяной водой из колонки окатил обувь. В номере переоделся в сухие спортивные штаны, а куртку замыл. Синтепон стал влажным. Андрей покрутил куртку в руках и со вздохом пристроил ее на горячий обогреватель. До встречи с братом оставалось еще четыре часа.

До подворья было рукой подать, и Балыков в одном свитере прибежал в теплый коридор монастырского лектория. Низкое здание бывших митрополичьих палат примыкало к новому корпусу воскресной школы. Брат спустился по лестнице, скрипя ботинками и подметая суконным черным подрысником ступеньки. Румяный, бородатый, худощавый отец Илларион искренне обрадовался встрече, порывисто обнял Андрея и расцеловал сухими горячими

губами троекратно, по старинному русскому обычаю. Сразу повел к себе наверх, в просторный и светлый кабинет. Уютный, с дорогой буковой мебелью, зелеными креслами. В углу среди крупных икон Андрей заметил одну новую, ранее не виданную. Богоматерь в золотой короне была изображена в лучах яркого солнца, а под сложенными смиренно руками покоился полу-месяц с острыми рожками книзу.

– Остробрамская икона Божией Матери, свежий список, – пояснил Павел, заметив, как взгляд Андрея остановился на образе. – Был в Беларуси в декабре, поднесли в личный дар.

Вошел служка, выслушал указания Павла и через пару минут накрыл стол: чайник, пара чашек, варенье и пироги.

– Хорошо у тебя, – с удовольствием сказал Андрей.

– Скажу традиционно: ждем тебя. Приходи к нам, и тебе будет хорошо, – с просто улыбнулся Павел, а Андрей тихо засмеялся. Стали пить чай, обмениваться новостями.

– Павел, а ты бабку Марфу вспоминаешь хоть иногда? – спросил Андрей осторожно.

– Странно, что ты заговорил о ней, когда она мне снилась недавно, – покачал головой Павел.

– Мне постоянно снится она, вернее, женщина, которая на нее похожа. И сегодня я будто видел ее на берегу Тешевки, – осмелился сказать Андрей.

Братья помолчали.

– А тебе как она снится, хорошо или плохо? – продолжил допытываться Андрей.

– Мы, православные, не придаем снам значения, – немного наставительно ответил Павел, – мы не верим в то, что умершие говорят с нами, что-то хотят донести до нас. Я просто радуюсь, когда вижу ее во сне, она была единственным человеком, который любил меня.

– Будет тебе, – усмехнулся Андрей, прихлебывая чай, – все тебя любили. А что она делала в твоём сне?

– Пустое это, Андрюша. Почему тебя это беспокоит? – спросил Павел.

– Плохо она мне снится, будто угрожает чем-то, смотрит строго, бормочет что-то злобно, предупреждает, что ли... – Андрей откусил от пирожка и порадовался сладкой и терпкой начинке из калины.

– Наша монастырская пекарня наладила пирожки печь, расхватывают их прихожане – будь здоров, – уклонился от разговора Павел.

– Говорили все, что бабка была ведьмой. Все в это верили. Даже умирала она странно, долго отходила, кричала, – возвращался Андрей к мучившей его теме.

– Соседи крышу разбирали, шифер снимали и венец разрубили, – неохотно вспомнил Павел. – Суеверия всё это. Что невежество с людьми делает!

– Ты панихиду какую-нибудь устрой, чтобы душа ее с миром покоилась, – сказал Андрей, – тошно мне, ей-богу, бывает от таких снов, словно ей что-то надо, словно она преследует меня.

– Конечно, не беспокойся, отслужу сам, – кивнул Павел.

Помолчали, прихлебывая чай, прикусывая пирожками.

– Я вижу, ты не все со мной обсудил, – продолжил пытливо брат.

– Да, – ответил Балыков, – с недавних пор стал я кое о чем задумываться, и ты, как истинный православный христианин, можешь мне в этом помочь, хоть я и безбожник. Знаю, что ты всегда рад помочь и советы твои не пустые.

– На работе тебе трудно? Или в семье нелады? – спросил участливо Павел, подавая брату белоснежное льняное полотенце.

– Везде, – закачал головой и невесело засмеялся Андрей.

Рассказ полился сам собой. Павел не перебивал. Его лицо опечалилось. Через полчаса поток слов иссяк, и Андрей отхлебнул из чашки уже остывшего чая.

– Проблема в жизненном выборе – вечная проблема, – сказал ласково отец Илларион. – Когда человек выбирает бога, он все оценивает с точки зрения православной веры, которая главным своим постулатом видит приближение к Господу нашему, человеколюбие и раскаяние в собственном грехе. Выбираешь мирскую суету – покоя тебе не будет. Позаботься о своих грехах, а заботу о грехах ближнего оставь ему, церкви и Господу. Тогда тебе и жить будет проще, и горизонт увидишь, который ты потерял.

– Я не могу существовать в этих координатах, – с болью в голосе сказал Андрей.

– Силы для того, чтобы жить, надо черпать в вере, во всепрощении, в доверии к людям. Даже самый гадкий с твоей точки зрения человек создан по образу божиему.

– Ты думаешь, я не подготовился к богословскому спору? – спросил Андрей с неожиданной ехидцей. – Вот что пишет ваш православный «Колокол».

Балыков достал из кармана сложенную вчетверо газету, отец Илларион со спокойной улыбкой наблюдал за ним.

– Цитирую дословно. Евангелие от Матфея: «Порождения ехиднины! Как вы можете говорить доброе, будучи злы? Ибо от избытка сердца говорят уста!» Разве тут не говорится о том, что человек – источник зла? Или я опять из контекста цитату вырываю?

– Разумеется, говорится, – кивнул отец Илларион, – только Бог есть истина и добро, свет и радость. Человек зачат во грехе, живет во грехе и умирает во грехе. И только его стремление к богу и искреннее раскаяние освобождает от греха. В тебе кипит гордыня, ты считаешь себя правым, способным судить, то есть хочешь быть равным Господу, а это один из смертных грехов.

Андрей внезапно рассмеялся.

– Ты окончательно стал тем, кем хотел. Косным, негибким. Ты вещаешь зазубренные истины, не думая о том, какие они противоречивые, как они глупы и несовременны. И при этом судишь меня. Слово «грех» раз сто сказал.

– Нет, Андрей, – покачал головой отец Илларион, – я не сужу тебя, я страдаю вместе с тобой, ибо ты не видишь пути и света, а я никак не могу взять тебя за руку и повести по нужной дороге.

– Я пришел тебя спросить об этой нужной дороге, а ты мне талдычишь детские прописи, – с досадой сказал Андрей и поднялся.

– Может, и надо начинать с азбучных истин, чтобы понять, как справиться с собой и победить своих бесов? – задал риторический вопрос отец Илларион, подымаясь следом за посетителем.

– А есть ли они, эти бесы? – засмеялся желчно Андрей.

– Будь покоен, есть, – ответил ему отец Илларион, так и не превращаясь обратно в Павла. – Придешь ли еще или торопишься уехать?

– А приду! – неожиданно весело сказал Андрей. – Когда ты свободен будешь.

Уже вечером Андрей и Павел неспешно шли вдоль монастырской ограды. Со стороны брат выглядел нелепо: на темный подрясник сверху он надел теплый стеганный ватник, шею обернул серым кусачим шарфом, ноги сунул в войлочные сапоги с галошами. Он совершал со своим спутником вневременной и внепространственный переход из лектория в дальнюю избушку. Дорога вела к каскаду зарыбленных прудов, который со всех сторон обнесли крепкой оградой. В холодное время работы на прудовом хозяйстве почти не было, но Павел приходил в избушку сторожа, чтобы побыть в одиночестве. Владыка нестрога смотрел на такие его отлучки из лектория, зная, что тот не бездельничает.

Сторож хмуро кивнул братьям и открыл калитку, они втроем прошли мимо свинцовой ряби пруда к убогой, но крепкой сторожке. Внутри пыхтела печка-буржуйка, насмехаясь над туристическими полетами в космос и олигархическим переделом планеты.

– Окрошку будем есть, – потянул носом, выражая явное удовольствие, Павел.

Он подошел к котелку и заглянул под крышку, там уютно лежали вареные картофелины и очищенные яйца с остатками лопнувшей скорлупы. Андрей сел на лавку, укрытую вязаным из тряпочек ярким половиком, и стал нарезать принесенный хлеб, отрывая мелкие головки у соленой кильки, бросая их на газету. Сторож не захотел присесть с ними за стол, что-то негромко буркнул, взял с гвоздика болоньевую черную сумку, шитые рукавицы и вышел вон.

Павел ловко покрошил картошку и яйца, собирая двумя пальцами крошки и отправляя их в рот, пачкая седоватую бороду. Потом он отрезал хвостики у длинного тепличного огурца и пары крупных розовых редисок, приговаривая «Жупки долой!». Андрей смеялся, как в детстве.

– Лук зеленый забыли! Вот беда! – охнул Балыков.

– Не забыли, а забыл! – намекая на свою предусмотрительность, изрек Павел, окончательно превратившись из отца Иллариона в прежнего себя. Он вытащил из кармана телогрейки свернутые колечком зеленые перья и победно продемонстрировал их брату.

– А колбаса? – неосторожно спросил Андрей и получил полный укоризны взгляд.

– Помнишь, как ты на юрфак поступал, а я с тобой приехал за компанию? В «Утюжке», кажется, купили мы какой-то колбасы.

– О, этого не забыть. Дрянь была еще та! Восемьдесят четвертый год, колбаса нормальная только в столице и водилась.

– Ага, да и денег у нас хватало только на одну каблучку.

– Слово какое вспомнил! – восхитился Андрей. – Каблучка! Баба Марфа так говорила. Кольцо колбасы – каблучка, а отрезанный кусок как? Ну, как называется?

Павел на секунду задумался, потом хлопнул себя по лбу ладонью от того, что промелькнуло в памяти знакомое слово:

– Коляска!

Оба засмеялись и наперебой стали вспоминать, как приехали на съемную квартиру, как развернули оберточную бумажку, да понюхали эту каблучку! А дух... ну, совершенно неживой! И решили сварить ее, кинув в кипящую воду. А вдруг колбаса просто сырая? Вспоминали, как поплыл по кухне удушливый запах, а в кастрюльке образовалась какая-то темная жижа с кусочками неплавящегося жира и оболочки! И как пришла квартирная хозяйка, отругала их, молодых дурней, за порчу прекрасного продукта – ливерной колбасы, да и выхлебала в одиночку варево, потому что они, ребята, не смогли побороть брезгливость и уступить голоду.

– С тех пор колбасы никакой не ем! – отсмеявшись, сказал Павел. – И тебе не советую.

Он замешал в том же чугушке, в котором варились картошка и яйца, аппетитную окрошечную смесь, полил сверху двумя ложками сметаны, приговаривая: «Завтра пост с самых звезд», и развел все из бутылки квасом.

– Квас монастырский? – предвкушая ответ, спросил Андрей.

– Да, из той же пекарни.

Разлили по мискам, Павел шепотом помолился, Андрей просто подождал для приличия. Стали обедать, сначала молча, потом с шутками, подбирая кусочками хлеба со дна мисок остатки кваса со сметаной.

– Хорошо с тобой, —неожиданно грустно сказал Павел, – не осталось у меня никого родных. Нам здесь не положено думать об этом, только молиться и уповать на Господа. «Так всякий из вас, что не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником». А я вот грешу, думаю.

– Может, ты обрел больше, чем потерял? – утешительно сказал Андрей, поменявшись с Павлом местами.

– Я не терял... – покачал головой Павел, поднялся, убрал в молчании со стола.

Остатки крошки в чугушке накрыл плоской тарелочкой, оставил подальше от печки, бормоча: «Сторожу нашему, Тихону». Андрей чувствовал себя обескураженным. Вот тебе и щит от невзгод... Вот тебе и отец Илларион.

Закончив уборку, приставив чайник на печь, Павел стал заниматься заваркой, вынимая из разных мешочков мелко нарезанный чайный лист и всякие травы. Каждый мешочек заботливо возвращал на высокую полочку.

– Андрюша, ты решил чего с работой? – спросил вдруг.

Балыков скривился, повел плечами, словно в ознобе.

– Пока не решил. Но понял кое-что: наверху тесно. Слишком тесно. Вот, наконец, меня оценили. Говорят: иди к нам, ты такой же, как мы. А какой я? Если действительно такой, как они, то грош мне цена. Жена говорит, что я придуриваюсь. Сказала как-то: «Кризис среднего возраста. Надо что-то менять. Работу, место жительства, жену». И посмеялась надо мной. А мне не смешно. Мне тридцать два, а я сижу, как мокрый цыпленок. Где я? Что я? Ну, может быть, я соглашусь на предложение, стану начальником райотдела. Да ведь нутром чую – не смогу. Мне по мелочи-то вытворять противно, а в грядущих масштабах и вовсе.

– Ну да, – покивал Павел, постепенно превращаясь в отца Иллариона, радуясь, что какие-то его слова все-таки доходят до Андрея. – К вопросу о любимейшем грехе чиновников – мздоимстве. Знаешь ли, в этом грехе редко кто-то кается. Тут сложно объяснять, отчего этот грех воспринимается вроде как простительным. Поначалу вчерашний выпускник и не мечтает брать взятки, он хочет обществу служить, чего-то стоящего добиться. Но понаблюдай за тем, как он постепенно разрешает себе всё дальше и дальше отступать от принципов морали, принятых в обществе. Ведь и православие осуждает лихоборство. Взял небольшой подарок – это не грех. Потом взял сумму покрупнее – переживает сначала, но смотрит вокруг, на начальство, на шашни разные. И... Эх, была не была! И становится в цепочку, по которой деньги передаются снизу вверх. И теперь уже находит для себя оправдание: не я такой, а жизнь такая. И то, что еще вчера считали неприемлемым, сегодня уже норма. Находятся оправдание, утешение и объяснение. И вот он уже наверху пирамиды потребления и говорит сам себе: «Да, ворую. Но другой бы все украл, а я вот и больницу восстановил, и дорогу отремонтировал, а сколько я на благотворительность выделяю...». И общество рассуждает точно так же: «Вот Иванов был плохой руководитель, воровал много, а Петров – другое дело, он только часть от пирога откусывает, да и нам дает откусить. А ведь сколько пирога-то остается, пропадает».

– Прямо окно Овертона, – усмехнулся Андрей.

Отец Илларион наклонил голову в бок и с улыбкой посмотрел на брата:

– Вижу, понял ты меня, Андрюша

– Понять-то понял, только не совсем согласен. А главное – не знаю, что делать. Стать Прометеем, чтобы мне печень в итоге выклевали? – неожиданно Андрей озлился и отвел от лица собеседника глаза.

– Работает же окно Овертона! – отец Илларион сунул в рот кусочек хлеба и радостно хлопнул себя по коленям, снова превращаясь в брата Павла.

Оба засмеялись, закипел чайник, намекая на окончание беседы. Комната наполнилась живым духом чабреца, и случайно прилетевшие мрачные тени развеялись по углам сторожки.

Следующая встреча произошла не скоро. Не так и не там, как этого хотели бы братья.

Отец Илларион лежал на больничной койке, его изможденное тело под одеялом было плоским. Балыков с ужасом смотрел на брата и не узнавал. Неужели за три года, прошедшие с их последней встречи, возможно так зачахнуть? Молодой, цветущий и румяный мужчина превратился в иссохшую мумию.

– Павлик, у тебя болит что-то? – неестественно спросил Андрей, подавляя слезы.

– Нет, – хриплым голосом прошептал отец Илларион, – мне постоянно что-то колют, искололи всё тело. Уже в живот колют, в плечи... Я ничего не чувствую.

– Почему ты мне ничего не сказал? Ведь ты молчал, пока настоятель не позвонил мне? – стал высказывать бессмысленные упреки брату Андрей.

– Денег много потратила обитель, всё без толку. Рак ведь не болит, а когда заболело – поздно уже было. Метастазы в печени, в костном мозге. Везде.

– Даже полгода назад я мог что-то предпринять, – в отчаянии сказал Балыков. Его деньги, лежащие бесполезным грузом, могли бы спасти жизнь брата, скажи он о болезни вовремя.

– Не хочу об этом, – сказал отец Илларион усталым голосом, – сделано всё, что можно. Я ездил на консультации в Самару, в Москву. В Израиль слетать не успел, но это уже было без толку на этой, конечной стадии. Меня уже не выпишут отсюда, я это понимаю. Болезнь забрала все силы, но главное – она забирает мою душу.

Андрею знал от врача, что когда действие обезболивающих препаратов заканчивается, то отец Илларион не находит в себе сил терпеть и кричит. Кричит страшно, воем диким зверем. Говорит всем, что на его грудь садится бес, вонзает в бока копыта, дерет когтями грудь и душит. Медсестры не могут смотреть на эти мучения, но и круглосуточно держать пациента в наркотическом сне тоже нельзя. Андрей слезно просил доктора облегчить страдания, совал растопыренный веер денег в его карман. В ответ были заверения, что все и так делается наилучшим образом. Но Андрей видел и пролежни, и кровоточащие ранки. Медсестре заплатили за круглосуточный уход и надзор, и она с ужасом рассказывала Андрею, хоть и повидала всякого, но стоит ей только отвлечься от больного – выйти в туалет или за лекарством, на теле батюшки появляются новые раны. Словно бес действительно рвет плоть постаревшего, изможденного больного.

– Что за бред, что за мракобесие! – возмущался Балыков, слушая эту средневековую чушь от вполне современной наманикюренной брюнетки. – Это же больной сам себя дерет! Видно же, что это кожный зуд от пролежней, аллергия на лекарства, что-то еще! Что-то, чему есть вполне логичное объяснение!

Та кивала, но в глазах ее не светилось ни капли благоразумия. Сиделка пыталась кормить больного, но тот только отталкивал ее руку. Стал получать питание через капельницу. Лишь однажды Андрею удалось уговорить Павла поесть, и во время одной добровольной ночной вахты Балыкова брат выпил полкружки молока и съел несколько ложек еле тёплой каши.

Балыков понимал, что уже не только недели, но и дни отца Иллариона сочтены. Он корил себя за беспечность и промедление, проклинал погибшую жену за то, что она отняла всё свое внимание на себя. Только Павла он не корил, тот всегда был застенчивым аскетом и невзгоды переносил терпеливо.

Однажды вечером боли у Павла поутихли. В полумраке палаты Андрей видел его закрытые глаза, вытянутые вдоль туловища руки. Брат походил на вырезанную из сухого и грубого ствола ветлы фигуру. Такой тотем старца можно было бы устанавливать на входе в обитель, чтобы он встречал сомневающихся и провожал успокоенных. Андрей понимал, что он приехал к живому Павлу в последний его ноябрь, но поговорить с ним по душам, посмеяться над детскими воспоминаниями, обсудить последние новости им не удастся. В те моменты, когда брат бодрствовал, ему было не до разговоров. Он скрипел зубами от боли. Всё чаще он был в наркотическом забытии, а периоды бодрствования становились реже и реже.

Иногда Балыкову казалось, что Павел, стоящий на пороге к смерти, гораздо ближе к воющей и пылающей бездне, чем к хору ангелов. И это было уж совсем несправедливо. Полуголудное детство, колотушки и подзатыльники отца, жестокое избиение в техникуме, лишившее Павла одной почки и навсегда закрывшее для него мужскую профессию военного, о которой он мечтал, предательство любимой девушки жениха-инвалида привели Павла в обитель. Балыков не знал за братом ни одного греха, который мог бы тянуть его в адскую пропасть, потому испытывал жгучую ненависть ко всем тысячетомным толкованиям Ветхого и Нового заветов.

Раскаявшейся и праведной душе воздастся? Но не крылья ангелов обнимали умирающего отца Иллариона, а терзали бесовские копыта и когти.

Андрею очень хотелось, чтобы Павел открыл глаза, устало улыбнулся ему и сказал что-то такое важное, такое доброе, что успокоило бы Балыкова и примирило его с грядущей смертью родного человека. Но Павел лежал без сил. В какой-то момент Андрей задремал, и ему приснилось, что Павел взял его за руку костлявой, высохшей, уже холодеющей рукой и сказал: «Я сейчас бабу Марфу видел, она недовольна нами, обоими. Мне сказала: «Покайся». Я очень виноват перед тобой, Андрюша. Я всегда считал себя высоко вознесшимся. Я живу в святом месте, а вы ко мне на поклон приезжаете, совета просите, но мудрости моей не понимаете. Прости меня за мой грех гордыни. А еще бабушка Марфа сказала мне передать её слова для тебя: «Отринь». Что ты должен отринуть, Андрюша?»

Андрей вздрогнул и проснулся. Он замотал головой, оглядываясь вокруг. Никого посторонних не было, Павел спал, немного похрипывая. Его рука на одеяле, немощная, исколотая, в заживающих синяках и свежих кровоподтеках, немного подрагивала. Андрей еще час сидел подле кровати брата, раздумывая над приснившимся откровением Павла. Потом пришла сиделка и сменила его на посту.

Наутро Андрей пошел к настоятелю монастыря, и тот с неохотой принял его. Суровый взгляд, плотно сжатые губы отца Игнатия всегда вызывали раздражение в Андрее. Вот в чем облике ни доброты, ни пресловутого христианского сострадания! И в этот трудный час Андрей искал в обители утешения, хотел исповедоваться, а там уж как пойдет, но, увидев нахмуренное лицо отца Игнатия, прогнал прочь свои мысли и даже горько усмехнулся своему порыву.

Отец Игнатий был стар, но крепок. Носил аккуратную рыжую бороду, такие же рыжие косицы выбивались из-под надвинутого на лоб клобука. Говорил он с посетителями на «ты», не делая исключения никому.

– Пришел зачем? – неласково сказал он Андрею.

– Я на исповедь пришел.

– Готов к исповеди? Постился? Молился?

– Некогда молиться было, просидел у отца Иллариона, потом много думал, спал.

– Молился? Второй раз спрашиваю, – мягче сказал священник.

– Нет, не молился, – признался Андрей почти со злобой в голосе.

– Принуждать себя надо было, молитва – тот же труд. Труд души, которая ленится и покрыта коростой себялюбия.

– Помогут ли молитвы? – вспыхнул Андрей. – Вот отец Илларион разве мало молился, а ведь как мучается.

– Учить меня вздумал? – хитро прищурившись, спросил неожиданно отец Игнатий. – Упрекать? Отец Илларион на пороге у Бога стоит, и мучится всякая душа, потому что греха исполнена. Я навестил его утром, провел обряд соборования. Легче ему стало.

Помолчал и добавил:

– Иди к нему, после исповедуешься, коли настоящее желание будет, а притворства мне тут не надо, и душу чужую торговать нечего тут.

Сказал и удалился с достоинством, подымаясь по ступенькам трапезной.

«Ты, что ли, пузан, душами торгуешь? Я бы купил, не задумываясь!» – чуть не сказал вслух Андрей, и вся его злоба, которая копилась на себя, на болезнь Павла, на несправедливость всех событий последних его мрачных лет, словно высвободилась в этом невысказанном оскорблении. Он бессильно опустился на ступени голубого, как пасхальное яйцо, храма, злобно размазывая по лицу обильные слезы. Его обходили люди, никто не утешал. Затем Балыков, пошатываясь, побрел на автобусную остановку. Проехав пару километров в сторону больницы, он вспомнил, что бросил свой автомобиль у сквера на стоянке, и ехать в маршрутке ему

незачем. Но вылезать не стал, так и сидел на трясущемся сиденье, под которым нещадно грела печка, и смотрел в окно. Кондуктор косилась на Балыкова, что-то говоря водителю.

– Больница, – визгливым голосом произнесла она на очередной остановке и повторила: – Мужина, эй, вы больницу спрашивали. Будете вылазить?

Андрей вышел из маршрутки и направился к серому панельному корпусу административного здания госпиталя, пошел мимо забора в узкую калитку через больничный парк в отделение интенсивной терапии. Скинув куртку в раздевалке, надев застиранный больничный халат и бахилы, Андрей прошел мимо будочки-часовенки. Оттуда как из окошка укоризненно смотрел на малодушного посетителя темный лик Господа Вседержителя. Балыков не остановился и поднялся на второй этаж, сразу к пятой палате.

Брат сидел на кровати среди подушек. На худых плечах болталась серая холщовая рубаха, походившая на саван.

– Ты весь отпуск хочешь тут провести? – улыбнулся Павел, и Андрей торопливо кивнул, сел рядом сжал руку, такую же холодную, как во вчерашнем сне.

– Мерзнешь? – спросил Андрей и начал подтыкать одеяло вокруг торса.

– Нет, ничего не чувствую, – словно удивленно ответил брат. – Спал хорошо.

– Что снилось? – автоматически, без надежды услышать правду, задал вопрос Андрей.

– Хотел бы я сказать, что сад Эдемский, – улыбнулся вымученной улыбкой Павел, – но нет. Снились какие-то пятна цветные. Карусель цветных пятен. Точно цветы на домашнем ковре. К чему цветы? Нынче и ковры никто не вешает? Помнишь, у меня дома трёх медведей на ковре? Шишкин.

Павел склонил голову немного набок, словно отдыхая от тяжелой работы.

– Да, помню этих медведей, – с деланной радостью поддержал Андрей. Сиделка показала глазами на дверь и вышла за лекарствами для перевязки. – На ковре, в углу, дырка была от папироски, батя твой прожег, а бабка взяла да и зашила красными нитками. И вышила сверху цветков на ковре, а ты говорил, что это папоротник расцвел в чаще леса.

Павел засмеялся, вспомнив такую деталь.

Вернулась сиделка, стала переворачивать больного, выполняя все, что требовалось. По комнате поплыл запах мази и спирта. Андрей отвернулся к окну. Мужество покинуло его вновь, по лицу потекли слезы. Он снова и снова возвращался мыслями к отцу Игнатию, отказавшему ему в исповеди. Внезапно сиделка вскрикнула, стала тормозить больного, приговаривая: «Павел Александрович, Павел Александрович!». Но отец Илларион не шевелился, широко раскрыв глаза.

Забегали, захлопали дверями, зашумели, принесли портативное реанимационное оборудование. Андрея вытолкали в коридор. Он сел на пол напротив двери, закрыв голову руками. И об одном жалел в эту минуту, что не разбил самодовольную рожу отца Игнатия, словно это могло помочь и стать достойной платой за выкуп души у осаждавших постель брата бесов. Краем глаза он увидел силуэт бабки Марфы, отходившей от прозрачной двери палаты Павла. Старуха одарила Андрея недобрым взглядом и ушла по коридору в самый его конец, растворившись в темноте. Больше Андрею она никогда не являлась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.